

ЮРИИ НИКИТИН

ИСТРЕБИВШИЙ МАГИЮ

Трое из Леса
возвращаются!

ТРОЕ ИЗ ЛЕСА

Юрий Александрович Никитин

Истребивший магию

Серия «Трое из леса», книга 19

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=278922
Истребивший магию: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-40078-2*

Аннотация

От эпохи магического дождя остались только волшебные мечи, кольца власти, чародейские амулеты и талисманы, джинны в кувшинах, браслеты колдунов, олени с золотыми рогами, серебряные гуси и еще много дивных вещей и зверей.

А еще уцелели хранилища магической воды в подземных пещерах. Кто находил – становился могучим магом.

Но появился странный человек, зачем-то не только убивает колдунов, это понятно – все воины воюют с ними, – но и уничтожает запасы волшебной воды.

Зачем?

Содержание

Часть I	4
Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	30
Глава 4	42
Глава 5	55
Глава 6	67
Глава 7	80
Глава 8	91
Глава 9	103
Глава 10	113
Глава 11	126
Глава 12	139
Глава 13	150
Конец ознакомительного фрагмента.	163

Юрий Никитин

Истребивший магию

Часть I

Глава 1

В комнату неслышно вошла, шлепая босыми ступнями, низкорослая девушка в слишком просторном для нее сарафане. Ее простое лицо миловидно самой молодостью, она мягко и чисто улыбнулась, заметив пристальный взгляд гостя, тут же скромно потупила глаза. В ее руках покачивался большой расписной глиняный кувшин и, судя по напряжению ее рук, полный.

Благоухающее вино полилось в чаши тугой струей, настолько ярко-красное, что походило на изогнутый раскаленный прут.

Ушла с прямой спиной, гордая и красивая, длинная русая коса толщиной в руку дразняще покачивается в такт шагам. Хозяин с ласковой насмешкой поглядывал, как гость провожает ее долгим задумчивым взглядом.

– Хороша?

Гость, молодой и нездешнего сложения мужчина с крас-

ными волосами, прищурил в усмешке глаза. Он держался скромно, хотя, как только перешагнул через порог, хозяин ощутил в нем силу, что проступает не только в развороте могучих плеч и длинных, обвитых толстыми жилами рук, но и в осанке, прямом взгляде удивительно зеленых, ярких до оторопи глаз.

– На редкость, – отметил он.

Хозяин приглашающе кивнул на чаши с вином:

– Старое доброе вино. Не люблю молодого, слишком будоражит кровь и бьет в голову.

– Не всем старое по карману, – заметил гость.

Хозяин оскалил рот в широкой усмешке. Зубы желтые, но все крепкие, целые, даже не сточенные возрастом, хотя, на взгляд гостя, уже разменял пятый десяток.

– Ты прав, – ответил он с самодовольством человека, что добился всего сам, а не получил по наследству от престарелых родителей. – Остальные пьют молодое. Во всем селе только я покупаю старое, доброе, выдержанное. И не из бочки, а в кувшинах.

– Слава о тебе ширится, – проронил гость. – Потому мой господин и нуждается в твоих услугах.

Хозяин смерил гостя откровенно ощупывающим взглядом. Кто же у него господин, если сам выглядит человеком, способным подчинять и распоряжаться толпами. Могуч, в лице властность и сила, рубашка распахнута на груди, на шнурке поблескивают невзрачные камешки амулетов. По-

верх рубашки на плечи наброшена волчовка, укрывающая только спину и бока, и, судя по выделанной коже, волчище был просто гигантский.

– Мои услуги стоят дорого, – предупредил он.

Гость кивнул, широкая ладонь опустилась к поясу. Хозяин не успел мигнуть, как на столе заблистал золотой самородок размером с крупный орех.

– Задаток, – предупредил гость. Он провел пальцами по оттопыренному поясу. – Здесь золотые монеты, алмазы. Мне дано право платить любые суммы, которые... сочту приемлемыми.

Хозяин не сводил с него испытующего взгляда.

– Твой господин щедр...

– Но и строг, – ответил гость. – Увы, строг.

Хозяин наконец взял самородок, тяжелый металл приятной тяжестью давил на пальцы, холодил, хотя в поясе мог бы нагреться.

– Хорошо, что ты хочешь?

Гость не успел ответить, вошла другая девушка, подросток, но пухленькая, с темными масляными глазами, круглым личиком, вся сдобненькая, как свежесвепеченная булочка.

Хозяин перехватил взгляд гостя, подмигнул, сказал весело:

– Даже старый конь молодую траву ищет!

Девчушка даже приподнялась на цыпочки, чтобы поста-

вить на стол поднос с жареным мясом и печеной птицей, подняла на гостя масленый взгляд, у нее оказались крупные влажные губы, нежные и созревшие, улыбнулась хитренько, словно понимая, что у него на уме, ушла, мягко двигая из стороны в сторону легкой юбкой. На пороге оглянулась и улыбнулась еще раз, полненькая и сочная, да, как свежая горячая булочка с хрустящей корочкой и свежей мякотью внутри.

– Да, – проронил гость, – у тебя неплохое пастбище.

– А разве не этого добивается любой мужчина? – спросил хозяин. – Дом, достаток, уважение соседей, и главное, чтоб вот такие всегда на расстоянии протянутой руки.

– Ого!

Хозяин хохотнул довольно.

– Если можешь себе такое обеспечить, почему нет? Всякий бы так сделал, будь даже вдвое моложе.

– Да, – проговорил гость странно равнодушным голосом, – наверное...

– Уже не тот возраст, – сказал зачем-то хозяин, он чувствовал, что начинает нервничать рядом с таким человеком, слишком в нем много скрытой силы, а сильные, как известно, не считаются с людскими жизнями, – чтобы куда-то за ними ходить, а то и вовсе бегать... Так что ты хочешь?

Гость посмотрел ему прямо в глаза и сказал четко:

– У моего господина закончилась магическая вода. Он послал добыть для него кувшин.

Хозяин не изменился в лице, только дыхание остановилось на миг, в следующее мгновение уже вздохнул, проглотил то, что собирался сказать, пробормотал только:

– Кувшин?

– Да, – подтвердил гость, – такого вот размера, как у тебя, под вино.

Хозяин медленно покачал головой, он смотрел на гостя уже с опаской.

– Это... вообще-то... немного.

Гость кивнул. Лицо его не изменилось, он сказал все так же бесстрастно:

– Да. Но у него и так все есть. А вода нужна... для забав. Ему нравится делать то, чего нельзя ни при каком богатстве. Или власти.

– И с малым количеством магии можно сделать многое, – заметил хозяин.

– Только не ему, – заверил гость.

– Почему?

– Магией заниматься, – обронил гость, – тоже надо долго учиться. А он уже стар, учиться не хочет. Умеет делать безобидные трюки, что умеют все новички. Но ему это нравится. Одно дело велеть слугам подать к столу целиком зажаренного вепря, другое – перед изумленными гостями взмахнуть руками, и вепрь появится на столе!

Хозяин поморщился.

– Прости за резкие слова в адрес твоего господина, но это

глупо. Тратить драгоценную магию на то, что можно сделать и так?

– Он такое делает очень редко, – заверил гость. – Только чтобы удивить кого-то. И побахвалиться.

Хозяин наконец позволил улыбке появиться на губах.

– Да, это понимаю. Старого пса новым трюкам не научишь, потому он лишь забавляется по мелочи. Но когда у человека и власть, и достаток, что ему еще? Только жить в удовольствие. Он себе это нашел... Но только, увы, я бы очень хотел тебе и твоему господину помочь, однако...

Он умолк и горестно вздохнул. Взгляд его упал на золотой самородок посреди столешницы, глаза стали тоскующими.

Гость поинтересовался:

– Что мешает?

Хозяин развел руками:

– Дело в том, сказать по правде, у меня самого этой самой чародейской водицы в кувшине на доньшке. Да и было не больше половины. Я берег, расходовал только в крайних случаях, но сейчас подошла к концу. Сказать по правде, за последние три года не истратил ни капли! Хорошо, что она в отличие от простой не испаряется.

Гость нахмурил брови, подумал, вскинул на хозяина требовательный взгляд:

– А попытаться зачерпнуть еще? Если ты знаешь где?

Тот ответил, не задумываясь ни на минуту, словно давно этот вопрос уже решил для себя:

– Нет, этого я не сделаю.

– Почему?

Хозяин вздохнул:

– Не из-за особой честности. В среде колдунов ее нет, она признак слабости. Но такие места огораживаются особыми заклятиями. Мне их не пройти. Если бы я был колдуном, что-то да сумел бы... может быть. Увы, я освоил пару самых простых заклятий, что облегчают мне жизнь, только и всего! С настоящими колдунами не тягаться.

– Лучше синица в руке? – спросил гость.

Хозяину почудилась в сдержанном голосе насмешка, но сдержался и ответил спокойно:

– Я уже немолод, у меня нет детской пылкости в голове. Не стану надувать щеки и ссылаться на звезды, что встали ну прямо не вот так, как надо. Понимаешь, каждый поднимает свою ношу. Что мне по силам, то по силам. Если бы я мог делать то, что хочешь ты, я бы жил во дворце. И у меня было бы не две таких девчушки, а сотня.

Он протянул руку и толкнул пальцем самородок в сторону гостя. Золотой камешек прокатился полдороги с мягким металлическим стуком и замер.

Гость взглянул на самородок, на хозяина, сказал ровным голосом:

– Я человек новый в этих краях. Это золото твое, если подскажешь, у кого сумел получить кувшин магической воды. Я не спрашиваю, за что ты ее получил.

Глаза хозяина вернулись к камешку, тот зазывающе блестит всеми гранями.

– Твой господин, – произнес он осторожно, однако толстые губы сами по себе расплылись в довольной усмешке, – в самом деле щедр!

– Но строг, – напомнил гость. – И хочет, как видишь, очень много.

– Да, – согласился хозяин. – Это в самом деле немало. Но, если на то пошло, могу подсказать этого сильного колдуна... хотя, конечно, тем самым я себя лишаю заработка. Я не знаю, где он хранит воду, не знаю, сколько ее у него, но хозяина укажу.

Гость повторил так же ровно:

– Это золото твое. Если тот, о ком ты говоришь, в пределах досягаемости...

– В соседнем городе, – поспешно сказал хозяин. – Правда...

– Что?

– ...он очень осторожен, – закончил хозяин. – Никому не рассказывает, откуда у него сила и влияние. Одевается скромно, а когда пользуется магией, то всегда находит ей... другое объяснение. Чаще всего меняет одежду и даже лицо, потому его не узнают даже близкие, если он того не хочет.

В ладони гостя появился второй самородок, почти такого же размера, только чуть вытянутый и ноздреватый.

– Получишь вот это, – сказал гость, – если не просто на-

зовешь адрес, но и отведешь к этому человеку.

— Твой господин необыкновенно щедр! — воскликнул хозяин.

— Просто он торопится, — пояснил гость. — Уже немолод.

Неслыханно ярко и страшно полыхает предвечернее солнце, огромное и косматое. Насыщенным пурпуром блестит все, что может блестеть на земле, а в небесах пышно и сказочно прекрасно пламенеют горы облаков, в которых угадываются то лики дивных существ, то невероятной красоты дворцы.

Они приехали в город на повозке, запряженной двумя молодыми быстрыми лошадьми. Их не приходилось подгонять, обе неслись с превеликим удовольствием, радуясь возможности мчаться, а не уныло жевать овес в конюшне.

— Вон тот дом, — сказал хозяин негромко и пугливо огляделся. — Но не спеши...

Гость сидел позади, спокойный и выпрямленный, за спиной короткий лук из рогов горного козла, в руках толстый посох, гладкий и блестящий от частого прикосновения. Зеленые глаза смотрят вперед спокойно и равнодушно, словно не первый раз покупает для своего господина магическую воду.

— Ловушки? — обронил он.

— Не знаю, — ответил хозяин честно, — я там не был.

— Понятно, — ответил гость. — Побродим по базару? Боль-

но богатый здесь...

— Люди работающие, — похвалил хозяин. — Хотя, конечно, часть уходит искать сокровища, но большинство все-таки работают...

— На них мир держится, — обронил гость.

— Но королями они не становятся, — сказал хозяин.

Гость усмехнулся.

— Ну, не все же находят пещеры с сокровищами, золотых рыбок или джиннов в медном кувшине... Я имею в виду тех, кто ушел на поиски легкого счастья...

Базар бурлит, хаотичный и беспорядочный, коз продают рядом с рядами оружейников, а возле благородных торговцев цветными тканями устроился зеленщик с чахлой морковью и мелкой репой, больше похожей на крупный чеснок.

— Соблазн велик, — заметил хозяин.

— Чересчур, — пробормотал гость.

Хозяин сказал с усмешкой:

— Да, это даже вредит. Каждому хотелось бы, чтобы сокровище нашел только он, а остальные работали, работали... Но, к сожалению, никого силой работать заставить нельзя. Если хочет отправиться искать закопанные клады, он отправится...

Гость, совершенно не интересуясь выставленными товарами, равнодушно посматривал на прилавки, там среди в самом деле полезных вещей слишком много и таких, что найдены при раскопках древних могил. В основном совер-

шенно бесполезные штуки, что кладут в гроб или в склеп к умершему. Чаще всего полусгнившие или проржавевшие насквозь... Но кто-то купит, понадеявшись на «волшебность» старых вещей, ведь в старину «усе было лучше».

Хозяин шепнул тихонько:

– Тебе везет!.. Вон идет по второму ряду...

Гость быстро повернулся.

– Который?

– В одежде столяра!

Гость ощутил, что без подсказки хозяина вряд ли сумел бы вот так с ходу увидеть в этом невзрачном человеке могучего колдуна, у которого магической воды столько, что может даже делиться с другими. Среднего роста, в серой, называемой «немаркой», одежде, идет неспешно между рядами и вроде бы равнодушно поглядывает, кто что выложил на прилавок. Даже сапоги на нем простые, изрядно поношенные. Не дурак, значит. Дураки в первую очередь стараются выделиться одеждой, это даже им под силу, потому дураков можно высматривать в толпе уже по яркой и тщательно подобранной одежде, рассчитанной впечатлить других.

Хозяин заулыбался, увидев в полураскрытой ладони своего странного гостя золотой самородок.

– Твой господин щедр!

Гость молча переложил в его пальцы золото, его зеленые глаза неотступно держали взглядом спину колдуна. Хозяин поклонился и поспешил обратно к повозке. Олег пошел за

своей целью так же медленно, поглядывал краем глаза и на разложенный товар. Колдун, судя по его жестам, старается не привлекать внимания, отчаянно торгуется, сбивает цену, а когда покупает, делает вид, что совсем разорен, отдал последние деньги, которые копил всю жизнь.

Глава 2

Олег неспешно двигался по узкой улице, плотно заставленной домами, поглядывал по сторонам, как всякий приезжий, прикидывающий, как будет обживаться на новом месте. Под ногами плотно утоптанная земля, кое-где лужи, базар остался за спиной, колдун идет впереди, за плечами полная сумка покупок, но древности прикрыл пучками пышной зелени, пусть все видят, что домовитый, продукты ходил покупать, явно бедный вдовец, а дети если и были, то оперились и выпорхнули из родительского гнезда.

Молодец, мелькнула мысль, не выставляет богатство на показ, как сделал бы юнец. Понимает, соседи завидуют настолько, что кто-то и красного петуха может со зла подпустить. И вообще, у богатого свои сложности: со всех сторон просят помочь, дать денег, сделать за них какую-то работу...

Тем более стоит помалкивать, что владеет какими-то запасами магической воды. Этому завидуют куда больше: почему повезло ему, а не им?

Город очень стар, но все еще по улице не проложили даже бревна или доски, не говоря уже о брусчатке, только утоптанная земля, как в большом селе.

Над головой широкая яркая голубая лента с белыми барашками облаков, но и небо часто перекрыто вывешенным для просушки бельем: жители протягивают веревки поперек

улиц, нимало не стесняясь выставлять на обозрение рваные подштанники.

Колдун подошел к калитке, просунул руку в отверстие и долго двигал там ею, отодвигая запоры. По ту сторону высокого забора видны только вершинки деревьев да чуть-чуть высывается флюгер на высоком шесте.

Олег приблизился все той же неспешной походкой прогуливающегося человека, в руке посох, на лице мирное и почти сонное выражение.

– Добрый день, – сказал он доброжелательно.

Колдун настороженно оглянулся, плечи его сжались, будто ждет удара, лицо затравленно-тревожное.

– Ты кто?

– Просто иду себе, – сказал Олег с усмешкой, – а на «Добрый день» раньше отвечали «День добрый»...

– Нечего со спины подкрадываться, – огрызнулся колдун. – Идешь, ну и топай дальше.

– А я к тебе, – ответил Олег. – Тихо-тихо, не начинай здесь на улице, народ смотрит... Мне только поговорить.

Лицо колдуна посерело, он зыркнул по сторонам обреченно, голос его прозвучал совсем тускло:

– Кто ты?

– Просто любопытный, – ответил Олег, – но зачем на улице?

Колдун тяжело вздохнул:

– Хорошо, пойдем в дом.

– Спасибо, – ответил Олег. – Люблю в гости ходить. Кормят, угощают, песни поют...

Колдун скривился, но смолчал, отворил калитку и посмотрел на Олега. Тот улыбнулся широко и жестом показал, что только после хозяина, ибо вежливость вежливостью...

Во дворе огромный злобный пес метнулся навстречу, но взглянул на Олега, заскулил и попятился к будке. Колдун нахмурился, быстро прошел по выложенной мелкими камешками дорожке.

Деревья расступились, дом громадный, в два этажа, но запущенный и неухоженный, явно хозяин не в силах его содержать в порядке и лишь доживает в нем свои годы, а вместе с ними их доживает и сам дом.

Колдун поднялся на крыльцо, замков много, Олег терпеливо дождался, когда все двери будут открыты, вошел вслед за хозяином. Сени просторные, а дальше двери привели в скромных размеров комнату, скудно обставленную мебелью, в середине стол с минимумом посуды и всего три стула.

Олег выждал, пока хозяин опустил за стол, придвинул стул и сел напротив. Колдун угрюмо уставился на гостя.

– Ладно, – сказал Олег, – угощения, как вижу, здесь не дожждаться.

– Говори, – напомнил колдун, – кто ты и зачем.

– Нужны услуги, – сказал Олег.

– Тебе?

– Нет, моему хозяину.

Колдун смерил его недоверчивым взглядом.

– Ты не похож на тех, у кого есть хозяин.

– Хозяин есть у всех, – ответил Олег кротко. – А нужны услуги, которые... гм... не получить обычным способом.

Колдун проговорил осторожно:

– Гм... если не получить обычным, то такие наверняка стоят дорого. Если ты про магию, то ее почти уже и нет... Магические дожди, говорят, прекратились и не вернутся.

– Но ведь ты ею попользовался? – спросил Олег очень спокойно, даже лениво. – Это вот все... как добыто?

Колдун позволил себе чуть-чуть расслабиться, даже улыбнулся одними уголками рта. Солнце врывается золотыми лучами в окна, посуда под ними переливается яркими бликами, дорогая, изящная, сделанная без крикливой пышности, но руками очень умелых мастеров. И сам стол из дорогих пород дерева, и вся мебель в комнате, как и дом изнутри совсем не таков, каким выглядит снаружи. Можно предположить, что остальные комнаты, куда гостей вряд ли пускают, сверкают настоящей роскошью.

– Умом, – ответил он, – и... удачей, конечно.

– Удача, – заметил Олег, – капризная штука.

– Есть удачливые.

– Раз повезет, – заметил Олег, – два, но не десять раз подряд?

Колдун усмехнулся:

– А если человек удачливый сам по себе? Другим вообще

не везет, а ему везет все время.

– Враки, – сказал Олег равнодушно.

– Ты не веришь в удачу?

– Нет.

– А во что?

– В успех, – ответил Олег.

Его рука как выстрелила от плеча, пальцы только что постукивали по столу, но мгновением позже сжали горло колдуна железной хваткой. Глаза колдуна начали выпучиваться, губы беззвучно шевелились, Олег покачал головой.

– Тебе не повезло, – сообщил он ровным голосом. – У меня на это заклятие есть защита. А твой заслон, как видишь, мне ну совсем не помеха.

– Кто... – прохрипел маг полузадушенным голосом, – кто... тебя нанял...

– Ты не поверишь, – буркнул Олег. Его пальцы безжалостно сжимали горло противника. – Не поверишь...

– Поверю... – прохрипел маг, – или не поверю... какая тебе разница... Но я могу заплатить тебе намного больше...

Олег чуть ослабил пальцы.

– Да что ты говоришь?

– Правда...

Олег сказал предостерегающе:

– Не пробуй призвать магию!.. Сверну шею. На это у меня силы хватит.

– Хватит, – поспешно согласился колдун. – Я не двига-

юсь... Скажи, что ты хочешь. Назови любую цену!.. Я все выполню...

Олег перепросил скептически:

– Все?

– Ну, – проговорил колдун уже осторожнее, – почти все...

Я не могу тебя сделать равным богам, но моя мощь, даже без хвастовства, поистине безмерна. Я даже сам еще не знаю ее границ... Просто ты застал меня врасплох...

Олег поиграл пальцами на горле, давая вдохнуть воздуха, ибо лицо мага совсем посинело, но не позволял собраться с силами.

– Откуда черпаешь свою мощь?

Маг промолчал. Олег сжал пальцы, тряхнул с силой. Голова мага ударилась в каменный пол. Звук был глухой, похожий на щелчок расколотого ореха. Однако глаза мага не погасли, в них только мелькнула боль и тут же погасла.

– Откуда? – повторил Олег.

– Зачем это тебе?

– Надо, – отрезал Олег.

– У тебя... наверняка... да не дави так!.. своей не меньше... На твой век хватит...

Олег тряхнул сильнее, ударил затылком снова. В глазах мага вспыхнула боль, но сумел погасить, молодец, и тогда Олег начал бить головой и приговаривать:

– Ты ведь не знаешь, как я собираюсь тратить... тратить... тратить!.. Может быть, для моих целей надо много... мно-

го... много... У тебя выбор... выбор... выбор... Или покажешь... или разобью твою голову сейчас... выбирай...

Лицо мага стало багровым, глаза вылезали из орбит. Он не успевал гасить боль, тем более – заживлять, Олег чувствовал, как мощь уходит из слабо сопротивляющегося тела.

– Хо...ро...шо, – слышался слабый хрип, – я все сделаю... Мертвому магическая вода не нужна...

– Хорошо сказано, – одобрил Олег.

– Что ты... хочешь?

– Покажи мне ее запасы.

– Может быть... лучше... желание? Говори... я все исполню...

– Мое желание, – сказал Олег неумолимо, – увидеть запасы твоей воды. Показывай!

Колдун прохрипел:

– Хорошо... Только не дави... Я сейчас умру...

Олег убрал пальцы, но сразу сказал жестко:

– Учти, я к этой встрече приготовился. А ты – нет. По крайней мере, ты не готов встретить именно меня, а простые вору не в счет. Понял?

Колдун ощупывал распухшее горло, где уже начали проступать красные пятна кровоподтеков. Глаза блеснули из-под приспущенных век испуганно, злобно и непримиримо.

– Понял...

– Иди на шаг впереди, – предупредил Олег. – Не пытайся ничего... еще раз говорю. Я не знаю твоих заклятий, но едва

услышу хоть слово, а слух у меня как у тушканчика, сразу же – в пепел. Чтобы не рисковать, понял?

Маг ответил угрюмо и устрaшенно:

– Да понял я, понял. Ты сам только... не истолкуй как-то иначе.

– Я очень подозрительный человек, – напомнил Олег.

– Да вижу...

– И трусливый, – добавил Олег. Маг взглянул на него искоса, смолчал. Олег пояснил: – Храбрый на моем месте тебя уже не боялся бы, а я вот, трус, буду следить за тобой все время. Как только не так взмахнешь рукой... или что-то шепнешь... ты сразу – обугленный труп! Нет, даже пепел на месте трупа.

– Да понял я, – повторил испуганный маг. – Но там камни, всякий начнет размахивать руками...

– Старайся размахивать поменьше, – напомнил Олег. – Для тебя лучше упасть на ровном месте, чем я что-то не то подумаю. Помни, я – человек подозрительный и очень трусливый.

Колдун смотрел злобно и затравленно, но послушно поднялся, Олег взглядом напомнил, чтобы двигался медленно и осторожно. Так и пошли в другую комнату, потом еще в одну.

Наконец колдун остановился и сказал хрипло:

– Вон там лаз в подвал.

– Где?

– Под тем большим сундуком...

– Отодвигай, – велел Олег.

– Слишком тяжелый...

– А ты попробуй, – предложил Олег.

Колдун послушно приблизился, уперся в сундук руками, тот не сдвинулся, затем пригнулся и попробовал надавить плечом. Лицо побагровело, в самом деле пытается сдвинуть, Олег наконец сделал шаг и уперся одной рукой, ладонь другой опустил колдуну на спину.

У сундука нет ножек, что и понятно, никто да не увидит под ним крышку лаза под толстым слоем пыли. Днище же как будто вросло в пол. Олег ощутил, что и его сил не хватает, нажал уже всерьез, напрягая все мышцы, внизу неохотно скрипнуло, заскрежетало. Он с новыми силами надавил плечом, не забывая следить за колдуном.

Сундук медленно пополз с облюбованного места. Под скопившейся пылью не видно даже досок пола, колдун неохотно нагнулся и нащупал утопленное в пол кольцо.

– Тяни-тяни, – посоветовал Олег.

– Я так давно не лазил туда, – пробормотал колдун, – там уже все вросло в пол...

– А сейчас полезем, – сообщил Олег. – Давай, не медли. Сам понимаешь, мы обязательно там побываем.

Колдун ухватился обеими руками, Олег видел, как лицо колдуна побагровело, жилы напряглись, а руки вытянулись. Наконец сухо треснуло, квадратная крышка поднялась, вы-

пуская сырой и затхлый воздух.

– Хорошо, – сказал Олег. – Там лестница?.. А-а, даже ступеньки?.. Это еще лучше. Солиднее. А то по стремянке как-то не совсем прилично взрослому человеку...

Колдун кивнул на отверстие:

– Все там. Можешь забирать.

– Подумаю, – ответил Олег. – Ты в самом деле веришь, будто вот так полезу, очертя голову?

Тот пожал плечами:

– А кто бы не попытался?

– Иди вперед, – велел Олег. – Только не вздумай, понял? Я подготовился, помни! Защита на мне, как на черепахе панцирь, а ответный я успею... Так что не рискуй зря.

Колдун ответил сухо:

– Зря не буду.

Олег взял со стола свечу, колдун оглянулся и, уловив кивок, медленно двинулся вниз, в темноту. Олег шел следом, опустил ладонь на шею торговца.

Ступеньки привели в просторный подвал, пахнет сыростью и плесенью, в два ряда под стенами справа и слева громоздятся сорокаведерные винные бочки.

– Неплохо устроился, – проговорил Олег озадаченно. – Судя по запаху, это же вино из Ализии!.. Вино королей...

Колдун сказал быстро:

– Бери, все твое!.. Здесь на несколько жизней хватит!

– Ну, – проговорил Олег задумчиво, – это смотря чья

жизнь... Иди дальше. Сам знаешь, что меня интересует.

– Иду...

– И двигайся медленно, – напомнил Олег. – А то я что-то начинаю дергаться...

Колдун втянул голову в плечи и шел, шаркая подошвами, между рядов с бочками, но Олег уже чувствовал, что магической воды здесь нет. Хозяин постанывал и подволакивал ногу, дышит чересчур хрипло и жалобно, но это понятно, усыпляет бдительность, от едва живого и к тому же парализованного страхом не ждут сопротивления...

Его пальцы сильнее сжались на шее колдуна.

– Не хитри, – предупредил он. – Я тебе не верю. Смотри, сдавлю... и ты уже мертв.

– Понял, – прохрипел тот. – Нет-нет, какие хитрости в моем положении!

Ряды с бочками закончились, впереди стена, колдун остановился, Олег спросил резко:

– За этой стеной, так? Как открываешь?

Тот тяжело вздохнул, этот чужак слишком быстро сообщает, прошептал тихо:

– Там вверху веревка.

Олег вскинул голову.

– Так просто?

Он вздохнул тяжелее.

– Да...

Олег вскинул свободную руку и легонько потянул. Ниче-

го не случилось, он потянул сильнее. Когда снова ничего не изменилось, он хотел дернуть, но понял, что веревка попросту оборвется.

– Врешь, – сказал Олег с сожалением, – я же сказал, это слишком просто. Любой, кто зайдет в подвал, может потянуть за нее.

– Хожу только я один, – запротестовал колдун.

– Да? – спросил Олег скептически. – Даже бочки сам выкатываешь наверх?.. Ладно, умри, а загадку я разгадаю и сам...

Он сдал шею, колдун из последних сил прохрипел:

– Скажу...

– Говори, – предложил Олег, но пальцы оставил стиснутыми.

Тот прохрипел еще слабее:

– Там слева третья от нас плита... Надо наступить...

– Это тоже просто, – сказал Олег. – Кто-нибудь наступил бы даже нечаянно.

– Нет-нет, – прошептал колдун раздавленно, – там в самом деле плита, на нее нужно наступить, но сразу же потянуть и за веревку... Откроется, только если одновременно...

Олег молча отодвинулся, дотянулся ногой до нужной плиты, а кончиками пальцев до веревки. Она подалась неохотно, чувствуется, как поднимает груз. Плита скрипнула и опустилась на два пальца. Немного, но достаточно, чтобы высвободить клинья засова.

Часть стены медленно и неохотно повернулась, встав боком. Открылась просторная комната, сами собой загорелись светильники. Олег втокнул колдуна, не разжимая пальцев на шее.

Помещение не так велико, как выглядит с той стороны двери, но чисто, ухоженно, и чувствуется, что колдун бывает здесь часто. Значит, пылью под сундуком присыпает из осторожности, с таким надо держаться в самом деле начеку каждое мгновение...

Посреди комнаты огромный чан из толстого чугуна, но внутри покрыт нежно-голубой эмалью. Темная маслянистая поверхность кажется твердой, как окаменевшая смола. Чан заполнен больше чем наполовину.

– Вот, – прошептал колдун, – она... Теперь отпусти... Клянусь, буду молчать...

– Отпускаю, – ответил Олег.

Пальцы его сжались, тихонько хрустнули позвонки. Он выпустил обмякшее тело, оно еще не успело рухнуть, как сделал два быстрых шага и нагнулся над одной из плит пола. Пальцы подцепили с трудом, подалась неохотно, земля под нею влажная, сырая, во все стороны шмыгнули потревоженные уховертки.

Он отодвинул плиту, снизу отчетливо пахнет сыростью и словно бы даже тянет воздухом, будто совсем близко проходят водяные ключи.

Колдун от пинка перевернулся на спину, Олег заглянул в

остекленевшие глаза, в самом деле не прикидывается, теперь ничто его не оживит, вернулся к чану и, подставив под край плечо, начал с усилием разгибать ноги. Внизу затрещали потревоженные кирпичи, днище вмуровано в глину, что уже окаменела, кровь ударила в голову, но он продолжал разгибаться, чувствуя, как от непосильной нагрузки подрагивают мышцы спины.

Чан наклонялся, наконец маслянистая жидкость хлынула через край. Он перевел дыхание, дальше стало легче, а когда вылилось больше половины, уже руками ухватился за край и перевернул чан вверх дном. Жидкость залила пол, не успевая впитываться через открытое для нее место, но уровень быстро падал, а когда последняя струйка ушла, Олег носком сапога придвинул плиту на место.

В подвале тихо, пустынно, он закрыл за собой потайную дверь, отряхнул ладони и пошел по ряду винных бочек в сторону лестницы.

Глава 3

Деревья сдвинулись плотно, как ратники в готовом к бою войске, на которое вот-вот ринется конница. Ровная, как стол, степь – раздолье для конных, зато лес может дать от них защиту и убежище.

Может, подумал он мрачно, но не даст. Еще не вступил под сень деревьев, а уже шибает запах недоброй магии. Ну, еще не шибает, но он наловчился улавливать и самые легкие оттенки. Злой магии, нерассуждающей, хотя что за дурь – делить магию на злую и добрую?

На плечи и голову пала густая тень. Он сразу ощутил облегчение, жгучие лучи солнца остались там, в степи. Первый ряд деревьев как на подбор: высокие и толстые, кора окаменевшая, в расщелинах копошатся жуки, поглощая вытекающий из трещины сок, в дуплах чувствуется шевеление, но ему не нужно даже заглядывать, чтобы знать, где угнездилась сова, где куница или белки, а где зверь поопаснее...

Впереди лесной полумрак, воздух влажный, за спиной меркнет сверкающий мир солнечного полдня, Олег начал углубляться в лес, как вдруг по телу сыпнуло холодом. Мышцы на кратчайший миг свело и тут же отпустило, он насто-рожился, пальцы крепче сжали посох.

За спиной послышались торопливые шаги, чуть позже пахнуло смрадное дыхание. Олег с разворота нанес быстрый

удар сверху, еще не видя противника, но уже нарисовав его в воображении.

Тяжелый посох с сухим треском проломил толстый череп зверя: массивного, как медведь, только, в отличие от хозяина леса, покрытого не то крупной рыбьей чешуей, не то зачатками перьев. Но такой летать не сможет, зело тяжел, так что чешуйки уже начали превращаться в ящерицы...

Олег покачал головой, явно здесь близко источник с магической водой, если даже звери наловчились ею пользоваться. Здесь зверь хоть и сильный, но слишком медлительный, не догонит никакую добычу, но научился обездвиживать ее на некоторое время, достаточное, чтобы подойти и ухватить за горло. Хорошо, что в своей осторожности, которую Олег называл презрительно трусостью, он наложил на себя все доступные ему защитные заклятия и звериная магия не действовала.

Он пересекал лес по прямой, за это время еще трижды отбивался от зверей, что пробовали на нем свою магию, а обычные волки и медведи чувствовали в нем противника по сильнее и сами уходили с дороги. На одной из полянок увидел, что солнце, уже не оранжевое, а красное, словно слиток металла, медленно сползает по небосводу, ускорил шаг и тут же услышал совсем близко скопление крупных хищников.

Ноги сами понесли его неслышно, все чувства обострились, а когда далеко слева между деревьями мелькнуло нечто серое, он уже знал: собралась большая волчья стая. Идут ли-

бо выборы нового вожака, а это означает лютую схватку старого вожака с сильным волком помоложе, либо волчья свадьба, либо...

Он сделал несколько осторожных шагов влево, деревья расступались так же неслышно, волки его не чуяли, ветер на него, зато он мог охватить взглядом всю картину, даже не выходя из-за деревьев.

Стая крупных волков окружила высокий дуб. Если бы тот вырос на просторе, был бы невысок и зело широк, а ветви пошли бы в стороны, чтобы принимать больше солнца, но среди себе подобных приходится тянуться ввысь в борьбе за солнечные лучики, и Олег долго скользил взглядом вверх по стволу, пока наткнулся на первые ветки.

На первой же нижней ветке у самого ствола видны женские ноги в изящных сапожках. Миниатюрная женщина, больше похожая на ребенка, прижала к стволу небольшой, но тяжелый мешок, над головой еще ветка с удобной рогулькой, где можно сесть, как в гнездышке, и выждать, пока волки разойдутся. Только в женских рассказах волки караулят сутками, на самом деле в подобных случаях расходятся довольно скоро.

Он оценил обстановку, сделал шаг назад, повернулся, чтобы уйти, как ощутил, что его увидели, и тут же донесся дрожащий женский возглас:

– Слава небесам, человек!.. Беги скорее в деревню, приведи помощь!.. Меня уже руки не держат...

Олег обернулся. Женщина перехватила его взгляд, лицо отчаянное, в голубых, как небо, глазах страх и надежда.

Он крикнул:

– Залезь на ветку выше. Там удобно, а волки скоро уйдут!

– Не могу, – прокричала она. – Меня всю трясет, я вот-вот свалюсь...

– Но как-то залезла?

Она крикнула жалобно:

– Если бы я знала как!.. Я так испугалась, что откуда и силы... Но скоро упаду...

Он коротко усмехнулся, уже встречался с такими, в минуты ужаса перепрыгивают пропасти и голыми руками душат львов.

– Иду, – крикнул он. – Не брякнись, а то зря буду лесных собачек пугать.

Волки повернули головы в его сторону. Трое сразу поднялись и пошли за ним, остальные остались, будто страшатся, что жертва расправит крылья и улетит. Олег насторожился, сразу ощутив, что волки тоже умеют замедлять движения жертвы. Это объяснило, почему пошли только трое, хватило бы и одного. А стайей они потому, что просто стая...

Он остановился, опустил руки с посохом, притворился вообще застывшим. Волки подошли неспешно и прыгнули, но прыжки тоже небрежные, от излишней уверенности. Посох, поднимаясь, со страшной силой ударил одного снизу в челюсть, второго тотчас же встретил острым концом в пасть, а

сам Олег отступил на шаг, спасаясь от прыжка третьего, отмахнулся. По лесу разнесся неприятный хруст разбиваемых костей, словно волчий череп разлетелся на сотни просушенных на солнце кусков.

Когда он пошел к дереву, волки в растерянности поднялись, одни бросились, рыча и щелкая зубами, этих он быстро и точно бил посохом, ломая хребты, разбивая головы, другие попятились и, жалобно завывая, ринулись в чащу.

Женщина вскрикнула, Олег успел увидеть, что пальцы ее разжимаются. Тело скользнуло по стволу, он быстро шагнул в ту сторону и вытянул руки, роняя посох. Она падала с красиво развевающимися волосами цвета темной меди, густыми и пышными, а когда он поймал ее на лету, подивился легкости ее тела.

Лицо ее оставалось смертельно бледным, он чувствовал, что ее душа убежала в спасительный обморок, чисто женское спасение от неприятностей. Ладони ободраны в кровь, на щеке и скуле широкая глубокая ссадина с запекшейся кровью.

Миниатюрная, хрупкая и нежная, совсем не приспособленная для жизни в лесу и вообще на свежем воздухе, она казалась ему нежной канарейкой, что не проживет и дня, если выпустить из золотой клетки на волю.

Довольно скоро он ощутил, что спасенная очнулась: чаще забилося ее сердце. Тело напряглось самую малость, он видел, как медленно поднялись веки с изумительно длинными

ресницами, густыми и загнутыми, на него взглянули непонимающе дивные глаза цвета светлого солнечного неба, даже золотые искорки в синеве радужной оболочки.

– Ой... Я упала с дерева?

– С дуба, – уточнил он. – С дуба рухнула.

Она спросила с недоверием:

– И что, поломала ноги?

– Вроде бы нет, – ответил он.

– А чего ты меня несешь?

Он пожал плечами.

– Не знаю. Дурак потому что. Но ты права...

Он поставил ее на ноги, придержал, чтобы не упала. Она потряхнула головой, отбрасывая волосы со лба, оглянулась. Темный лес далеко за спиной, лишь верхушки горят золотом, затем и они погасли, остались только над ними воспаленные красные облака.

– Ого, – сказала она с уважением, – это ты меня столько нес? Да ты здоровенный, как бык!

Он хмыкнул.

– Чтоб тебя нести, хватило бы силы и теленка. А то и во все... поросенка.

Она обиделась:

– Почему поросенка?

– Не знаю, – ответил он. – Идти сможешь?

– Смогу, – ответила она.

Он кивнул и пошел в направлении села, уже и забыв о

ней. Через пару минут послышался drobный стук каблучков. Женщина пошла рядом, поглядывала искоса, на лице искреннее удивление и обида. Олег шагал широко, она пыталась идти рядом и то и дело переходила на бег.

— Я что, — сказала она неожиданно, — в самом деле похожа на поросенка?

— Что ты, — ответил он с недоумением, — откуда ты взяла?

— Ты же сам сказал! — обвинила она.

— Правда?

— Это ты с дуба рухнул, — заявила она, — прямо на темечко!

Он на ходу потрогал в задумчивости голову.

— Правда? А то я как-то не заметил...

Она смотрела вытаращенными глазами.

— Ты кто? Почему такой... рассеянный? И как ты, весь такой задумчивый, можешь драться так... невероятно? Я никогда не думала, что простой палкой можно вот так целую стаю. Или она железная?

— Стальная, — бросил он коротко.

— Ого! А с виду из простого дерева...

— Вот и хорошо, — заверил он.

— Почему?

— А зачем, чтобы все знали, какая она? Пока думают, что деревянная, у меня больше шансов.

Она подумала, кивнула, вид у нее важный, словно решила невесть какую трудную задачу.

— Верно, — сказала она. — Это если скрываешься. Или хо-

чешь кого-то застать врасплох. Зато если все сразу увидят твою стальную палку, то и забияк будет меньше?

Он покосился на нее, она смотрела на него пылливо и с какой-то надеждой. Он коротко усмехнулся.

– А ты умненькая, – сказал он одобрительно, – соображаешь. Все верно, зависит от намерений. Но лучше, когда меня считают слабее, чем я есть. Конечно, больше желающих напасть, зато больше шансов отбиться.

– А когда будут знать, – продолжила она, – что палка у тебя железная, но все-таки нападут...

– То мне придется туго, – ответил он серьезно. – Но ты же никому не скажешь?

Она сказала обидчиво:

– И все ты врешь!.. Ничего у тебя палка не железная. И не для драк вовсе.

– А для чего?

Она сказала обвиняюще:

– Ты в села заходишь, опираясь на нее, как немощный старик, кряхтишь, вздыхаешь, а тебя жалеют, дают еду и кров.

– Молодец, – сказал он поощрительно. – Умеешь говорить приятные вещи.

Шел он размеренным шагом, вроде бы не торопился, но ей то и дело приходилось бежать, чтобы догнать, а когда все-таки догоняла, задирала голову.

Когда идешь рядом с таким высоким и статным и чувствуешь, как он огромен, еще больше презираешь свою хруп-

кость и малый рост, страстно завидуя крупным статным женщинам, у которых на бедрах достаточно сладкого молодого мяса для жадных мужских ладоней.

Правда, этот человек совсем не смотрит на нее как на женщину, уж она-то хорошо узнает эти взгляды. Шагает ровно и сильно, на пальцах блестят кольца, слишком простые с виду, чтобы быть простыми. В том смысле, что когда делают волшебные, то не заморачиваются тем, чтобы украсить драгоценными камнями, затейливой резьбой или дивной огранкой. Кольца магов обычно проигрывают в красоте немагическим, а у этого все три кольца – два на правой и одно на левой – выглядят очень даже скромно.

А еще на шее под самым горлом амулет, там в самом деле недобро поблескивает красным огнем рубин, но мелкий, вряд ли в нем большая сила. Похоже, больше всего силы в посохе. Она сама чувствует исходящую от него мощь.

Ворот рубашки широко распахнут, на могучей груди тускло поблескивают амулеты попроще, аккуратно нанизанные на толстый шнурок. Обычно их с почтением носят каждый отдельно, но иногда и вот так на одной веревочке, это когда их много. У этого десятки, все мелкие, плотно подогнанные так, что выглядят, как бусы.

Деревья расступились и очень неохотно выпустили их на свободу. Он чувствовал острое сожаление лесных великанов, но не удосужился даже помахать им рукой.

Женщина сказала внезапно:

– Ты всегда такой молчун? Почему даже не спросил, как меня звать? И как зовут тебя?

Он в изумлении оглянулся.

– Ты еще здесь?

Она спросила обиженно:

– А где мне быть?

– Ну... улепетывать от волков.

– Меня зовут Барвинок, – сказала она.

– Красивое имя, – произнес он вежливо. – Что-то такое цветное... вроде бабочки-капустницы. Нет, та вся белая... а ты вроде мотылька на троянде.

Она кивнула, милостиво принимая похвалу своему имени.

– А тебя?

– Олег, – ответил он.

– Олег? Просто Олег?

– А тебе мало?

Она пожала плечами.

– Обычно у мужчин имена подлиннее. И еще всякие прозвища... ну там Ужасный, Непобедимый, Победоносный, Блистающий, Молниеносный... У тебя какое прозвище?

Он поморщился.

– Обойдешься.

Она снова пожала плечами.

– Как хочешь. Мне даже проще, если тебе в самом деле все равно... а тебе не все равно, только не признаешься. С

такой статью ты не мог не заработать прозвища.

Он хмыкнул, но смолчал, мужчины должны быть или хотя бы казаться неразговорчивыми, это, по их мнению, добавляет им суровости и мужественности, а этот здоровяк с зелеными глазами все-таки мужчина, хоть и старается выглядеть чем-то особенным.

Впереди поднялась небольшая и буйно заросшая сухой травой каменная гряда, Барвинок услышала ропот волн, а когда перевалили через невысокий гребень, перед ними открылась широкая река с быстрой водой.

– Эх, – сказал ее спутник с досадой, – вон же дорога! А мы ломились через кусты, как двое лосей...

– Это ты лось!

– Да я бы сообразил, – ответил он с непонятной интонацией, – если бы меня некоторые тут не отвлекали...

– Чем?

– Чириканьем...

– Тебе не нравится мой голос?

– Если бы. А то нравится.

Укатанная колесами тысяч телег дорога, выйдя из леса, сперва петляла, потом увидела мост и радостно понеслась к нему по прямой. Деревянный, но широкий и надежный, две телеги разъедутся, он соединил, как скоба, оба берега.

Барвинок довольно взвизгнула, не нужно искать брод или лодочника, Олег кивнул и пошел быстрым шагом.

Она первая начала замедлять шаг, на середине моста двое

крепких мужчин расположились в чересчур вольных позах. Один прислонился к перилам стоя, другой сидит, расставив ноги, и мерно втыкает нож в деревянный настил.

Глава 4

Олег шел неторопливо и уверенно, мужчины повернули к нему головы. Барвинок ощутила их оценивающие взгляды. Когда приблизились шагов на пять, тот, что стоял, отклеился от перил и сказал лениво:

– За топтание нашего моста... плата.

А сидящий, он постарше и покрупнее, добавил мирно:

– Если нечем платить, можешь оставить лук.

Олег ухмыльнулся:

– Рассмотрел?

– У меня глаз острый, – сказал мужчина довольно. – Лук хорош...

Первый хохотнул и сказал молодым, задорным голосом:

– А мне так лучше оставь девку!

Олег сказал уважительно:

– Хорошее дело. В самом деле... Мост требует ласки и ухода. Вы построили, ремонтируете, молодцы! Без присмотра и домашняя скотина дичает. За такой мост, понятно, вам и должны платить, это все правильно.

Барвинок выглянула из-за его спины, пискнула гневно:

– Неправильно!

Он удивился:

– Почему?

Она прокричала так, будто он находился на другом конце

света:

– Потому что они не строили этот мост!

– Не может быть, – не поверил Олег, он повернулся к молодцам: – Разве это не вы построили мост?

Тот, что постарше, кивнул утвердительно, выбрав этот путь: да, построили, второй весело расхохотался, гордо выпятил грудь и сказал победно:

– Мы что, дураки? Мост уже был. Мы просто собираем деньги за проход по нему. Кто отказывается платить – сбрасываем в воду. А тут глубоко... И река широкая.

Олег в великом недоверии повернулся к старшему.

– Он что... врет?

Тот с неудовольствием поморщился.

– Не совсем.

– Это как? Построили вы мост или нет?

– Не строили, – объяснил старший, – зато собираем со всем понемногу. Потому люди платят. Если бы требовали много, через мост никто бы не ходил. Там ниже лодочник, но берет больше. Да и не перевезешь на лодке коня с повозкой.

Олег пробормотал:

– Потому и берете ровно столько, сколько могут дать... Ладно, ребята. Вы ищщо молодые, дурь играет. А жить нужно праведно, честно. В смысле, своим трудом! Вы могли бы землю пахать, плотничать, лес валить. Еще, слышал, каменщики везде нужны...

Оба смотрели угрюмо, набычившись, но старший смол-

чал, только всем видом показывал, что без оплаты не пропустит, а молодой вскричал:

– Он совсем дурак!.. Ты слышал, ты слышал, что он говорит?

Старший пробурчал:

– Он дело говорит. Но кто уже попробовал этой сладкой жизни, другой не захочет.

– Я знавал таких, – возразил Олег голосом строгого, но справедливого наставника, – закоренелых злодеев, что раскаивались, проливали слезы и возвращались к честному труду. Но, правда, таких случаев мало, а жаль, правда? Потому правы те цари, что просто вешают всех разбойников сразу, даже не пробуя исправить. Людей на свете много, плодятся хорошо, земля дает хлеб и траву, только потом саранча и засухи...

Барвинок оцепенела, но кулачки ее сжимались, а сердце в страхе колотится, как пойманный воробышек о прутья клетки. Разбойники уже хмурятся, этот прохожий с его рассудительностью раздражает: плати и топай дальше, не хочешь платить – возвращайся, а этому все расскажи и объясни...

– Ладно, – сказал Олег со вздохом, – вон там далеко белеет шатер вашего вожака?

Старший сказал уважительно:

– У тебя хорошие глаза. Да, он там.

Олег обернулся к Барвинку:

– Пойдем, объясним тому человеку, что нехорошо брать

деньги за мост, которого не строили. Почему-то думаю, что собранные они потратят совсем не на ремонт...

Старший впервые скупно усмехнулся.

– Ты прав. Совсем не на ремонт. Но через мост не прой-
дешь. Даже к нашему вождю.

– Вожаку, – поправил Олег кротно. – У разбойников не
бывает вождей, а только вожаки.

Младший уже кипел гневом и, едва Олег сделал шаг, резко и коротко замахнулся. Олег моментально перехватил руку, дернул. Барвинок услышала скрип и хруст ломаемых суставов. Рука разбойника вывернулась в неестественном положении.

Он жалобно вскрикнул. Второй разбойник зарычал и, выдернув из-за пояса длинный нож, быстро вскочил на ноги. Олег перехватил руку тем же приемом, тоже вывернул, но ломать не стал, а посмотрел в побелевшее лицо и сказал задумчиво:

– Говоришь, кто попробовал этой сладкой жизни, другой не захочет?

Он вынул нож из безжизненной ладони, Барвинок не успела слова сказать, как швырнул через перила в реку. Разбойник стонал от боли, Олег повернул его спиной к себе и дал пинка в поясницу. Снова зловещий хруст, разбойник упал ничком и раскинул руки.

Молодой выхватил левой рукой нож. Глаза горели лютой злобой, на лице стыд и унижение, на молодую женщину ста-

рался не смотреть.

Олег сказал мирно:

– Одумайся, пареньь.

Разбойник прыгнул, волхв шагнул в сторону и взмахнул рукой. Несчастный проскочил мимо, Барвинок услышала негромкий треск, когда ладонь ребром ударила сзади в шею.

Он рухнул, Олег сказал с печалью:

– Пойдем. Скажем вожаку, что так поступать нехорошо.

Она пошла за ним, вся дрожа от страха и возбуждения, уже вблизи берега оглянулась. Оба разбойника остались распростертыми в тех же позах.

– Не погонятся?

– Нет, – ответил он сумрачно.

– Ты крепко врезал, – сказала она, – не скоро встанут.

– Уже не встанут, – ответил он лаконично.

Она еще раз оглянулась. Оба лежат, как брошенные на камни мокрые тряпки. Похоже, молодому волхв перебил шею, у основания черепа позвонки самые тоненькие, она, как лекарь, знает, их надо беречь. Зверь, что прыгает на человека с дерева, старается их сразу перекусить, тогда жертва не может шелохнуться и пальцем...

Но старшего волхв ударил ногой в то место, где позвоночник самый толстый. Правда, с такой силой, что тот все равно переломился, она узнала этот неприятный хруст...

Они вышли на берег, выше в тени деревьев шатер, у костра трое играют в кости, еще один водит с неприятным зву-

ком точильным камнем по острию меча. Пятый привязывает к конским мордам торбы с овсом. Все не сразу обратили внимание, что через мост на их сторону перешли мужчина с женщиной, потом кто-то взглянул на мост, охнул, закричал: – Кабан и Хорек!.. Что с ними? Эй вы, стойте!

Барвинок дрожала и старалась держаться к Олегу поближе, хоть и понимала, что ему для замаха может понадобится пространство. Олег шел прямо к шатру. Люди у костра заинтересованно подняли головы, а тот, что с мечом, поднялся и лениво пошел им навстречу.

– Стой!.. Ты кто?

– Мирный человек, – ответил Олег смиренно. – Хочу вашему старшему дать совет...

Один от костра вопил:

– Да посмотрите, что с Кабаном и Хорьком!.. Чего они там разлеглись?

Тот, который с мечом, упер его в грудь Олега.

– Стоять!

– Грубый ты, – укорил Олег.

Взмах руки, выбитый меч взлетел в воздух, короткий удар с другого плеча, разбойника унесло шагов на десять. Олег вскинул руку и растопырил пятерню. Меч впечатался точно рукоятью, вскочившие у костра остановились в нерешительности.

Олег укоризненно покачал головой.

– Ох, ребята... Прибыльное у вас дело, но больно риско-

вое...

Полог шатра распахнулся, на пороге появился громадный свирепый мужик, лицо перекошено жутким шрамом, в плечах косая сажень. Мгновенно оценил обстановку, рявкнул:

– Убить их! Быстро.

Трое бросились с обнаженным оружием, четвертый оставил коней и тоже кинулся в схватку, выхватывая из-за пояса дубинку. Олег отпихнул Барвинок себе за спину. К ее удивлению, он выронил меч, сам шагнул навстречу набегающим, чем явно смешал их планы, она видела вихрь движений, слышала звук глухих ударов, хряск, стоны, а когда Олег замер, все четверо лежали на земле, распростертые и стонущие.

Вожак взревел и пошел вперед, в руке его появился широкий меч с загнутым лезвием.

Олег сказал с укором:

– Тебе мало, что все твои люди... уже на земле?

Вожак прорычал с презрением:

– Вчерашние крестьяне!.. Их еще долго бы пришлось учить!

– А тебя?

– Я двадцать лет дрался в разных войнах, – сообщил вождь, – я убил многих, так что это умею.

Олег сказал скорбно:

– Значит, сейчас умрешь.

Вожак коротко хохотнул:

– Многие так говорили...

Он сделал выпад, двигаясь так быстро, что Барвинок успела увидеть только смазанное движение. Олег сумел уклониться, вожак ударил снова и отпрыгнул, Олег покачивался из стороны в сторону на расставленных ногах, руки все время двигались перед ним.

Вожак прорычал с уважением:

– Молодец... но я видел и таких...

– Таких не видел, – возразил Олег.

Он отшатнулся, Барвинок не успела увидеть короткий взмах, но вожак дернулся и процедил сквозь зубы:

– Хороший удар... Но все-таки меч у меня...

Олег быстро шагнул к нему, Барвинок увидела два коротких удара и услышала голос:

– Уже нет.

Меч отлетел в сторону, вожак ухватился пальцами другой руки за поврежденную кисть, но пересилил себя и выхватил из-за пояса длинный нож.

Олег спросил мирно:

– Что написать на твоей могиле?

– Еще и писать умеешь? – изумился вожак. – Совсем мир с ума сошел, если такие по дорогам бродят...

Барвинок охнула, услышав тяжелый удар, словно падающий с вершины горы тяжелый камень обрушился на спину быка. Вожак не взлетел в воздух, но вздрогнул с головы до ног, глаза вылезли из орбит. Он даже не пытался ухватить воздух расплюсченной грудью, стоял неподвижный, а потом,

не двигаясь, рухнул лицом вниз.

Олег прошел мимо к шатру, но входить не стал, с порога осмотрел, что там внутри.

– Убого... – произнес он невесело. – Но если таких не останавливать как можно раньше... в конце концов могут стать и царями.

– Да ну, – сказала она недоверчиво.

– Точно-точно, – заверил он. – Случаев много. Даже не случаи, а... нормальный рост неглупого разбойника.

Барвинок сказала нервно:

– Ты как будто оправдываешься!

– Оправдываюсь, – согласился Олег. – Хоть и без пролития крови, но жизнью лишил... Хотя ладно, их еще много по земле бегает. Пойдем, нечего из-за каждой ерунды останавливаться.

– Ты хотел похоронить, – напомнила она язвительно.

Он отмахнулся.

– Он же не сказал, что написать на могиле?

– А ты бы написал?

– Ну... вряд ли.

Он сразу же вышел на дорогу и зашагал уверенно и размашисто, а она семенила за ним, иногда переходя на бег, то и дело оглядывалась на оставленные пустыки. Или ерунду, как он сказал. Без пролития крови, ага. Как будто пару оплеух раздал, совесть чиста. Лицемер поганый... Все мужчины идеализируют себя, приукрашивают, даже себе не признают-

ся, что свиньи поганые и гады полосатые.

– Я даже не знаю, – сказала она нервно, – кто так умеет драться. Ну ладно, они не воины, но их вожак... он точно не вчерашний крестьянин!

– Недостаточно, – ответил он коротко.

– Разве?

– Для этого края, – согласился он, – неплохо. Но я видел и другие земли.

Она забежала сбоку, чтобы лучше видеть его суровое лицо.

– Ты много странствовал? А почему без меча?

– Не люблю оружия, – ответил он кратко.

– Почему?

Он скорбно вздохнул.

– Я мирный мыслитель, разве по мне не видно? Я же весь из себя думающий, а не дерущийся. Потому не беру в руки... такое. Не выношу даже вида крови... Мне становится так грустно, так грустно.

Она не верила своим ушам.

– Не выносишь крови?

Он кивнул.

– Я же сказал.

– Но... кто залил кровью там весь берег?

Он поморщился.

– Разве весь? Ты преувеличиваешь. И вообще... было бы больше, если бы взял меч. А так... гм... зуботычины, пин-

ки, кого-то отпихнул, кого-то толкнул... Все по мелочи. Это, можно сказать, не в счет. Вся жизнь у нас толкательная и пишательная. А еще и зуботычная. У нас, у людей. Это муравьи помогают друг другу, потому так люблю на них смотреть...

— А людей не любишь?

— Не люблю, — признался он. — Но других нет, потому приходится работать с тем материалом, что есть.

Он умолк, впереди на лесной тропе белеет человеческий череп. Олег замедлил шаг. Смотрел он, как обратила внимание Барвинок, не на череп, а по сторонам, особенно всматривался в заросли кустов в двух десятках шагов.

— Что, — спросила она задиристо, — страшно?.. Но это всего лишь кости.

— Да, — согласился он, — только где остальные? Кто-то принес и положил здесь. Какой-то знак. Возможно, дальше идти запрещено? Как думаешь?

Она запнулась, как-то о таком и не подумала, просто лежит череп и лежит, и только сейчас понятно, что мог бы лежать в сторонке, но не на тропке, где всякий отшвырнул бы пинком.

Барвинок присела и осторожно взяла череп в руки.

— Ладно, — сказала она решительно, пора постепенно брать инициативу в свои руки, — пойдем, а то и ночевать придется в лесу...

Она сделала несколько шагов, смотрела не столько под ноги, сколько прислушивалась, идет ли он следом, мужчинами

нужно руководить умело, подошва соскользнула по влажной глине, она взмахнула руками, удерживая равновесие, но не поймала и обрушилась в скопище прелых листьев...

...брызги затхлой воды взлетели вместе с этими листьями, как ей показалось, выше вершин деревьев. Зловоние ударило в ноздри и отозвалось болью в черепе. Она отчаянно забарахталась, эти прошлогодние листья покрывают не твердую землю, как ожидала, а поверхность мелкого лесного болотца. Лягушки прыгали уже и с дальних коряг, руки облепила тина, что прячется под опавшими листьями, ряска попала в рот.

Отплевываясь, она принялась вопить, голос казался ей слабеньким, однако кусты затрещали, Олег появился, могучий и великолепный, как буй-тур.

– Ты чего, – охнул он в патетическом изумлении, – туда полезла?

Она сразу ощутила себя спасенной, ответила раздраженно:

– Как это чего? Не понимаешь? Живу я здесь, живу!

Он остановился, почесал затылок.

– В смысле... это ты домой, значитца, пришла?

Она снова выплюнула ряску, вонючая темная вода уже поднялась до ее губ, приходится закидывать лицо.

– Да-да! – крикнула она сердито. – Но я здесь не хочу... дай же наконец руку!... Или что-нибудь...

Он пробормотал:

– Руку не дам... а то еще укусишь, но вот что-нибудь...
чего не жалко, стало быть...

– Да поскорее же!

Он нагнулся, она видела, как напряглись его могучие мышцы, когда ухватился за выпирающий над землей толстый корень. Затрещало, земля начала вздыбливаться, корень полез наверх, обрывая мелкие белесые волоски.

Она из последних сил держалась на поверхности, раскинув руки и упираясь ладонями. Заплечный мешок тащит вниз, но сбросить его нет возможности. Наконец он взмахнул, как плетью, длинным корнем, гибкое корневище ударило по макушке, заставив погрузиться и хлебнуть от неожиданности отвратительной жижи. Плача от ненависти к этому чурбану, она поймала липкими от грязи пальцами и без того скользкий от подземной влаги корень. Олег тут же потянул на себя, сперва легонько, проверяя крепость, потом сильнее.

Барвинок ощутила, как липкая топь медленно и очень неохотно отпускает ее, всхлипнула в облегчении, однако из-за кустов с шумом и криками выметнулись мохнатые фигуры, то ли такие люди, то ли двуногие звери.

Глава 5

Олег сперва отбивался от них одной рукой, не выпуская корень, но его ударили сзади дубиной по голове, свалили целой толпой, Барвинок видела, как на него навалились в азарте схватки большой кучей.

Он исчез под горой тел, она в ужасе снова раскинула руки, чувствуя, как погружается опять в эту отвратительную смердящую топь. На поляне усиливался шум, крики, доносились звуки ударов дерева по живой плоти, затем вдруг всех расшвырнуло, словно медведь разбросал набросившихся на него мелких собачонок.

Олег поднялся, нападавшие еще были в воздухе, когда он в прыжке ухватил уползающий корень. Барвинок сразу цапнула его обеими руками и вцепилась бы даже зубами, если бы не страшилась снова зачерпнуть ртом жидкой грязи и так поползти, черпая ее нижней губой еще и еще, до края ямы, а тот еще так далеко.

Олег дотащил ее почти до берега, но на него сзади бросились сразу трое. Он как чувствовал, резко присел, один с криком перелетел через его голову и едва не обрушился на перепуганную Барвинок, но разбег был слишком велик, нападавший перелетел через нее. Болото всколыхнулось, будто в него обрушилось дерево, и нападавший сразу же ушел камнем в глубину под тяжестью усеянных металлическими

вставками кожаных доспехов.

Олег вынужденно выпустил корень, еще двух сбил на землю ударами кулаков, третий замахнулся мечом. Барвинок сжалась в ужасе, что кулаки против меча, волхв молниеносно пригнулся, разбойник с силой вогнал меч в дерево над головой непонятого противника. Олег, не разгибаясь, нанес ему короткий удар в живот. Судя по тому, как глубоко кулак погрузился в тело, Барвинок поняла, что у того будет сломан и хребет.

– Ты еще там? – спросил он, не оборачиваясь.

Разбойники ползали по тропке, стараясь уползти в кусты. Олег проводил двух мощными пинками, после которых те сразу же исчезли, только ветви затрещали и заколыхались, указывая прямую, по которой их унесло.

– Я... тону... – прохрипела она.

– В болоте утонуть невозможно, – сообщил он и повернулся.

Корень он бросил ей, как показалось, с отвратительной неспешностью. Барвинок ухватилась скользкими пальцами, сжала, а волхв потащил медленно, деликатно, за что Барвинок молча поблагодарила, иначе просто выдернул бы из ее слабеющих рук.

Она выползла и осталась лежать вниз лицом, жадно хватая живительный воздух. Запахи гадостные, смрад, что за мерзости разлагаются в этой яме-ловушке, она чуть не всхлипнула от жалости к себе, такой красивой и такой беспомощ-

ной.

Она чувствовала, как волхв задумчиво осматривает ее, похожую на сосульку из грязи, укоризненно качает головой.

– Может быть, – раздался над ее головой нерешительный голос, – стоит все-таки помыться? Или теперь женщины, как великие отшельники, не обращают внимания на такие досадные мелочи?

Она все еще хватала ртом воздух, слишком обессиленная, чтобы спорить, наконец прохрипела покрытым грязью ртом:

– Помыться? Просто помыться?

– Странная идея, правда? – спросил он.

Злость на этого гада нахлынула и наполнила ее измученное тело хоть какой-то, но силой.

Она привстала и прошептала:

– Ты совсем дурак? Здесь даже ручья нет!

– В ручье не отмыться, – сказал он так, словно сделал открытие, до которого она бы не додумалась, – может быть, лучше озеро?

– Озеро? Где?

Он повел рукой.

– Вон за теми деревьями. Но хватит ли... Сейчас больше бы подошло море. Или окиян...

Она не смела мечтать даже о ручье, а тут целое озеро, потому не ответила на гнусный выпад этого гада, что еще гнуснее потому, что вовсе не выпад, сказано очень серьезно и доброжелательно. Вот уж подлец так подлец. Как можно да-

же подумать, что она согласилась бы остаться в такой грязи даже для достижения самой высшей мудрости? Зачем женщине мудрость, да еще такой красивой...

Она бежала, мчалась, летела, как ей казалось, на самом деле едва ковыляла, собирая на себя весь мусор по дороге, к ногам приклеились горы листьев, а когда споткнулась и упала, на липкую грязь нацеплялись не только придорожные листья и слой пыли, но даже мелкие веточки.

Поднялась она таким страшилищем, что даже не решилась оглядываться на волхва, тупо двигалась к деревьям, те злорадно отступали, но она победила, и они остановились, раздвинулись, сразу за ними блеснула восхитительно чистая вода.

Плача от изнеможения и облегчения, она спустилась по берегу, за спиной услышала доброжелательный голос:

– На глубокое не заходи!

– Да лучше утону, – прошептала она, – да лучше...

Мелькнула мысль, что лучше бы в самом деле утопнуть, чем снова ему на глаза. Этот гад видел ее в таком непристойном виде, что просто невозможно, порядочная девушка не должна так выглядеть никогда и ни в каком случае...

Прохладная вода поднялась до колен, Барвинок торопливо вошла до пояса и сразу же, не оглядываясь на берег, набрала в легкие побольше воздуха и окунулась с головой, а там с остервенением принялась взлохмачивать волосы. Прозрачный мир вокруг нее моментально стал черным. Она пе-

редвинулась в сторону, там тоже вода вскоре стала болотистой, и так передвигалась вдоль берега несколько раз, не рискуя заходить глубже, до тех пор пока вокруг ее тела перестало колыхаться мутное облако.

После этого сволокла с себя всю одежду, долго терла и вышкрябывала ногтями забившуюся в мелкие складки грязь, наконец с облегчением побросала на берег, там широкие крупные камни, пусть сохнет, а сама с величайшим наслаждением поплавала еще в спокойной воде.

День вообще-то жаркий, парит, как перед грозой, и солнце светит особенно ярко. На противоположном берегу озера зеленеет трава, там мотыльки и стрекозы, деревья у самой воды, но солнце в зените, и все озеро спешно прогревается жарким теплом.

Особенно теплый верхний слой, будто парное молоко, а вот если опустить ногу, там уже чувствуются холодные воды, и Барвинок поплавала немножко медленно и спокойно, держась на самой поверхности, а потом так же медленно пошла к берегу, чувствуя себя чистенькой, как рыбка.

Остановившись в воде до колен, придирчиво провела ладонями по коже, гладкой и ровной, как круто сваренное и очищенное яичко, все чисто, красиво отбросила за спину волосы и распрямила плечи, так ее маленькая грудь выглядит крупнее. Этот гад должен смотреть вон из тех кустов, оттуда вид лучше всего, ветви опускаются прямо к воде, даже заходят краешком в озеро, путив корни по песчаной косе.

Солнце по-мужски жадно и нетерпеливо целует ее нежную белую кожу, останутся некрасивые красные пятна, Барвинок выходила из воды, двигаясь медленно и грациозно. Как только увидит его, ахнет, начнет закрываться ладонями и кричать возмущенно, что это нечестно, он же сказал, что подглядывать не будет, ну что за свинство, почему все мужчины такие, порядочной девушке нельзя искупаться без наблюдателей...

Мысленно проверила, прямо ли спина, обнаженной недостатки скрыть трудно, но у нее все в меру, только груди маловаты. Другие девушки в таких случаях подкладывают в платье свернутые платочки, но она никогда так не делала, это же подстраиваться под мужские вкусы этих свиней, а такое недопустимо... хотя, конечно, хотелось бы, чтоб эти штуки были покрупнее. Хотя бы вдвое. Втрое еще лучше...

Она поднялась на сухое, где на камнях сохнет, но все еще не высохла ее одежда. Краем глаза бросила взгляд на то место, где должен таиться наблюдатель... Сердце дрогнуло, там пусто, а трава даже не примята мужскими сапогами. Кузнечики скачут по вершинкам стеблей непотревоженно, бабочки пьют сладкий сок из цветов, гудят довольные, как медведи, шмели...

Встревоженная и недоумевающая, она натянула мокрую рубаху и поднялась на берег.

Далеко за массивными стволами мелькают, часто исчезая, багровые блики. Она пошла в ту сторону, начиная почему-то

сердиться, деревья расступились, на уютной полянке рвется ввысь пламя костра. Крупные красные угли уже вываливаются из горящих поленьев, что значит, горят давно, а толстые сучья в огонь подбрасывают постоянно.

Олег уже отгреб в сторону россыпь багровых углей и поворачивает над ними куски мяса на очищенных от коры прутьях. Рядом на плоском камне распростерся широкий лист лопуха, а на нем целая горка еще горячих коричневых ломтиков, от которых такой удивительный запах...

– Что-то долго, – проворчал он, – еще чуть, я бы все тут пожрал сам.

– Какой ты... быстрый, – выдавила она с таким разочарованием, что самой стало горько во рту, будто пожевала лист полыни. – И шкуры снял, и разделал, и поджарил...

Он наконец оторвал взгляд от быстро темнеющих ломтей мяса.

– Да и костер успел. У меня богатая практика... Ух ты!

Она встрепенулась, наконец-то заметил, что намокшая рубашка облегает ее тело так, словно той нет вовсе, очень удобно: и приличия соблюдены, и показать себя можно.

– Что? – спросила она с живейшим интересом.

– У тебя хорошая фигурка, – сказал он с изумлением и окинул ее оценивающим взглядом, словно готовился тоже разделить и самые лакомые кусочки поджарить сразу. – Никогда бы не подумал... Ого, даже сиськи есть! Правда-правда! Вон там они... вроде. Даже две! Это вот то у тебя они

самые, правда?

Она стиснула зубы, начиная ощущать, что в мокрой рубашке вообще-то прохладно, даже холодно, дрожь пробирается в тело, а зубы начинают постукивать.

Рубашка все так же плотно облегает ее тело, обрисовывая каждую жилку и каждую выпуклость, как и впуклость, но сейчас остро захотелось, чтобы повисла на ней широким колоколом.

– Благодарю, – буркнула она. – Ты умеешь говорить женщинам приятное.

– Правда? – спросил он польщенно. – Я слышал, надо говорить это самое, которое приятное... даже если его нет, вот и того... следуя.

Она с превеликим достоинством села не напротив, а то поза слишком откровенная, рубашка все-таки коротковата, и не рядом, а то этот гад может подумать, будто она не против некоторого сближения, а на строго отмеренном воспитанием расстоянии, чтобы дружба дружбой, если она даже есть, но не ближе, чем на дистанции вытянутой руки.

– Люблю зайчатину, – сказал он. – Что-то в ней особенное...

Она взяла предложенную часть тушки, обожгла пальцы и перебрасывала с ладони в ладонь, пока не сумела ухватить за торчащую косточку. Мясо в самом деле тает во рту, она жадно откусывала и, стараясь жевать красиво и с закрытым ртом, бросала на него короткие взгляды. Неужели в самом

деле не только не подсматривал, но даже ни разу не привстал, чтобы пойти и посмотреть... и даже мыслей таких не было? Нет, мысли наверняка были, но другие бы не утерпели, а вот этот...

Острая мысль ужалила, как плеча. А что, если ему было неинтересно? Что, если ему и не хотелось посмотреть на нее голенькую? Или, как мама говорила, обнаженную?

– Ну давай, – сказала она.

Он посмотрел с удивлением.

– Что?

– Бахвалься, – пояснила она.

– В чем?

– Что предупреждал, – выпалила она зло, – а я, как дура, не послушалась и пошла прямо в болото! Что на тебя напали разбойники, а ты их всех перебил... Или просто побил. Что ты вот такой герой, что ты вообще...

Он хмыкнул.

– Было бы чем хвалиться. Что ты пошла в болото, это же ясно, женщина. Что побил этих дурачков... А как иначе?

– Могло быть иначе!

– Правда? – переспросил он с недоумением. – Гм... Интересно...

– Они ждали нас? – спросила она. – Вообще у них там засада?

Он кивнул, лицо мрачное, сжал и разжал кулаки. Она ждала, что после таких сокрушительных ударов там хотя бы

лохмотья кожи на костяшках, однако суставы пальцев лишь недобро покраснели.

– У кого мозоли на ладонях, – сказала она саркастически, – а у кого на кулаках.

– Это не мозоли, – ответил он. Посмотрел на пальцы задумчиво, покачал головой. – Хотя, может быть, уже в самом деле...

Она ощутила тихую радость от маленькой победы, он признал ее правоту, как же это сладостно, за такое готова простить ему многое, почти все, не такой уж он и грубый кабан, иногда что-то в нем проглядывает и почти человеческое...

Он посмотрел на нее задумчиво, взгляд потеплел, но вместе с тем посерьезнел. Ей показалось, что пытается сформулировать какую-то сложную мысль, уложить в понятные слова, наконец он проговорил деревянным голосом:

– Ты прекрасна... гм... как эта... ну, собственно, роза...
– ...и так же умна? – закончила она.

Он раздвинул губы в доброжелательной улыбке.

– Нет-нет, что ты! Ты умнее. Правда умнее.

Она спросила ехидно:

– Насколько?

Он подумал, ответил уверенно:

– Вдвое!.. А то и втрое. Вообще ты молодец. И фигура у тебя замечательная. Ты бы сняла рубашку, замерзнешь.

– Размечтался! – сказала она победно, вставая на привычный путь, когда ей говорят комплименты, а она может в от-

вет вставлять острые шпильки. – На мне быстрее высохнет.

Олег не стал интересоваться, насколько же она горячая, хотя дала такой шанс и даже подтолкнула к нему, хорошо бы попался, у нее есть прекрасный хлесткий ответ, что покажет ее острый и невероятно изобретательный ум, а его повозит рыжей мордой по земле...

Он взял ломоть мяса, осмотрел, быстро сжевал, затем ухватил жареного гуся и с треском разорвал пополам.

– Иногда, – сказал он под хруст костей на крепких зубах, – все-таки гусь вкуснее... В другое время на гусей смотреть не могу. Как думаешь, почему?

– Знаю, – отрезала она, – на что вы все смотрите!

– На что? – спросил он.

Она быстро перебрала горсть ответов, ни один не подходит, они для остроумных людей, а этот туп, как пробка, всегда задает самые простые вопросы.

– На горизонт, – выдавила она наконец, – вы не замечаете, что у вас под носом, вам нужно туда, вдаль!

Он подумал, кивнул.

– А ты умная. Как-то сообразила. Или кто-то подсказал. Правда, за горизонт можно уходить, и не выходя из комнаты... Мысль скачет быстрее любого коня.

Она посоветовала:

– Ты ешь, ешь! Не умничай. Эти побитые не вернутся?

Он покачал головой:

– Ни за что.

– Почему? Побил сильно?

– Поняли, что у нас в самом деле ничего нет. Идти сможешь?

Она посмотрела с возмущением.

– А что мне помешает? Разве что запросишься отдохнуть!

Глава 6

Олег шел теперь напрямик, огибая только завалы, даже неглубокие овраги, заросшие высокой травой, проскакивал с разбегу. Барвинок запыхалась, разогрелась так, что начала светиться, словно железо в горне, но старалась не слишком отставать, а то этот гад не оглядывается, а ей зазорно попросить сбавить шаг, чтобы не тешить мужское самолюбие признаками женской слабости.

На просторной полянке он на ходу закинул руку за голову и ловко вытащил лук. Она вертела головой, не понимая, куда собирается стрелять, а он быстро согнул, уперев в землю, и набросил на рог петлю тетивы, затем вроде бы неспешным движением, но на самом деле очень быстро вынул из колчана стрелу.

Она все еще не понимала, а он вскинул обе руки кверху, резко отвел тетиву к уху и отпустил в одно мгновение. Из-за деревьев показалась стая низко летящих гусей.

Один, последний, дернулся, будто клюнул что-то невидимое, крылья затрепыхались неуверенно, а тело устремилось по дуге вниз. Олег измерил взглядом расстояние, сделал три шага в сторону, тяжелое тело гуся ударилось перед ним в землю.

Барвинок ошалело смотрела, как он с самым равнодушным видом, словно такой меткий выстрел не чудо, подхватил

добычу и, на ходу привязывая к поясу, зашагал дальше.

– Хорошо стреляешь, – сказала она, удерживая голос спокойным и даже чуточку язвительным. – А когда стреляешь в воздух, часто промахиваешься?

– Я не стреляю в воздух, – ответил он. – Я вообще редко стреляю.

– А сейчас?

– Тебя же кормить надо? – ответил он мирно.

Возмущенная, она гордо вскинула носик и пошла вперед, но, хотя волхв вроде бы идет спокойным, неспешным шагом, она вскоре отстала, запыхалась.

Сквозь редкие деревья корабельных сосен уже видно, как вдали на темнеющий лес медленно опускается красное солнце. Небо стало тоже красным, словно и там некто зажег исполинский костер, скрытый то ли за облаками, то ли за горизонтом.

За его спиной прозвучал капризный голос:

– Ты собираешься идти и ночью?

Он в удивлении оглянулся:

– Ты еще здесь?

Она вскрикнула возмущенно:

– А где же мне еще быть? Среди волков в лесу?

Он буркнул:

– Признавайся, откуда сбежала? И почему?

– Почему сбежала? – вскрикнула она. – Почему именно сбежала? Ниоткуда я не сбежала!.. А если и сбежала, какое

тебе дело?

– Никакого, – буркнул он.

– Так чего тебе еще? – потребовала она.

Он прошел еще довольно долго, пока сообразил, чего она добивается, покрутил головой по сторонам и проворчал:

– Ладно уж, дотемна не успеем до села. Придется заночевать здесь.

Барвинок ожидала, что «здесь» означает здесь, но он шагал и шагал, наконец она не выдержала:

– А почему не останавливаемся? Скоро совсем стемнеет!

– Воды нет, – сообщил он. – А во-о-о-он там, похоже, есть и ключик.

Она вздохнула и заковыляла из последних сил. Олег ушел вперед, к ее прибытию уже обошел вокруг намеченного им для ночлега старого дуба, вернулся с огромной охапкой сухих сучьев. Костер развел тоже удивительно быстро и умело, она только рот раскрыла в удивлении, когда склонился над сложенными шалашиком веточками и всего пару раз чиркнул огнем. Искры упали на узкие полоски бересты, вспыхнуло крохотное пламя, впилося в них мелкими желтыми зубешками, следом тут же загорелись тонкие веточки.

– Отдыхай, – велел он, – посмотрю, что тут за звери.

Она вскрикнула испуганно:

– Ты куда? Уже темнеет.

– Костер разгорается, – сказал он успокаивающе, – никакой зверь не подойдет.

– Много ты знаешь, – огрызнулась она. – Звери тоже бывают разные... наверное. Ты пойдешь собирать яйца по кустам? Или надеешься подстрелить добычу? Ты же вон какого гуся подстрелил! А еще у меня в мешке еды на три дня. На ужин нам хватит.

– Да? – спросил он. – Ладно, выкладывай.

Она с готовностью вытряхнула все, опустошив мешок, разложила на чистом полотенце хлеб, сыр, мясо, отдельно в платочке завязана драгоценная соль.

– Ого, – сказал он одобрительно, – хорошо живешь.

Она удивилась:

– Это хорошо?

– Хорошо, – повторил он. – Даже соль!.. И хлеб пропечен, и мясо не пережарено. Сразу видно, не ты делала.

Она поджала губы.

– Конечно, не я. Но почему я должна делать хуже?

– Больно ручки белые, – сказал он неодобрительно. – И нежные. Ты вообще ни за что не бралась. Тебя няньки одевали и раздевали. Даже от солнца прятали.

Она молчала, смотрела, как он разламывает краюху хлеба, режет сыр, движения точные, экономные, полные сдержанной горделивой силы. У слабых мужчин суетливости больше, а у этого ни одного лишнего жеста.

– Почему не носишь меч? – спросила она и вспомнила, что уже спрашивала.

Он не стал указывать, что у нее что-то с памятью, снял с

пояса гуся. Она настороженно смотрела, как он умело обдирает кожу, потрошит и вообще готовит для насаживания на вертел.

– Просто не ношу, – ответил он наконец.

– Почему?

– Не люблю, – ответил он мрачно. – Мечом можно убить.

Она сказала саркастически:

– А твоей палкой?

– Тоже можно, – ответил он мирно, – но острое железо наносит раны. Слишком легко. А палка... только ссадины да кровоподтеки. Чтобы убить – надо постараться. И очень захотеть. А меч... убивает слишком легко.

Она возразила:

– Но и мечом можно плашмя, как дубиной!

Он покачал головой, глаза стали печальными.

– Слишком велик соблазн... не плашмя. Да и вообще меч в руке – соблазн. Нехороший.

Пока он ломал сучья и бросал в костер, она осмотрела его посох. Как бы ни уверял в миролюбии, мол, у него не меч, а эта безобидная штука, в умелых руках эта оглобля куда опаснее меча. Во-первых, намного длиннее, во-вторых, больше возможностей: можно и легким кровоподтеком украсить, можно и голову вдрызг, как глиняный горшок. А меч, увы, если рубит, то рубит.

Потому мечами, мелькнула у нее неприятная мысль, вооружают простых воинов. Мечом пользоваться просто, а вот

чтобы таким шестом... гм... надо быть и очень сильным, чтобы убивать с одного удара, и поупражняться дольше. Она снова украдкой смерила взглядом его плечи и спину. В этой волчовке не видно мышц, он, как нарочно, их скрывает, но теперь, когда дважды расшвырял разбойников, можно догадаться, что есть, есть...

Она спросила с интересом:

– Зачем тебе столько амулетов?

– Я волхв, и я запасливый, – сообщил он.

– И все настоящие? Или есть для красоты?

Он посмотрел с недоумением:

– А что, бывают и такие?

Она кивнула с чувством полнейшего превосходства, улыбнулась одними глазами, у нее это всегда получается просто очаровательно, пусть этот гад получит под дых.

– Некоторые, – сообщила она покровительственным тоном, – цепляют вот так побольше просто для важности. Чтобы все видели, какие они... защищенные.

Он подумал, сдвинул плечами.

– Ну, наверное, есть смысл носить и такие, ты права. Но у меня в самом деле настоящие. Вот этот, к примеру, предупреждает об опасности. Даже когда я сплю, стоит кому-то подойти ко мне с обнаженным ножом или мечом, сразу же будит... А просыпаюсь я очень быстро.

Она зябко повела плечами. Страшно и представить, что натворит, когда проснется среди ночи и решит, что вокруг

враги.

– Амулетов все меньше, – сказала она горестно. – А еще они все слабее... Почему прекратились магические дожди, остались только простые? Сколько бы людям можно было сделать добра...

Он хмыкнул, но смолчал, лишь ломал и подбрасывал в огонь короткие сухие палочки. Она помолчала, спросила тоскливо:

– Знать бы, вернется ли когда-то такое время...

– Какое?

– Чтобы снова прошли магические! А лучше, чтобы они шли так же часто, как обычные. От магических трава оживает точно так же. Это мы знаем, что в такой воде есть магия, а народ пользовался ею всегда, как простой.

Он помолчал, буркнул:

– Когда-то пройдет снова.

– Когда?

– Лет так тысяч через десять, – ответил он с кривой усмешкой. – Или через сто.

Она ахнула.

– Сто тысяч лет?

– Да.

– Почему?

– Наш год, – напомнил он равнодушным голосом, – для богов что день. А то и минута. Дождик через каждые сто тысяч лет – это все равно для них что раз в неделю для нас.

Она сердито поджала губы, глаза рассерженно сверкали в отблесках костра.

– Я тебе не верю!

– Правильно делаешь, – сказал он спокойно. – Люди всегда верят тому, чему хотят верить, а при чем тут истина? Она может оказаться горькой, острой, неудобоваримой. Спокойнее, да и приятнее верить, что вот будешь идти по дороге... глядь – старый медный кувшин торчит из песка! Если вытащить и попробовать оттереть от грязи, появится могучий джинн и скажет, что отныне он твой раб и будет выполнять все твои желания...

Она отшатнулась, смотрела на него расширенными глазами.

– Ты знаешь эту историю?

Он скривился.

– Да кто не знает... Наперебой рассказывают друг другу. Взахлеб. Помню, один при мне перестал даже пахать, выпряг вола, лег под деревом, закинув руки за голову, и начал мечтать, что сделает, когда найдет такой кувшин... Даже не если найдет, а когда найдет!

Она посмотрела с неуверенностью:

– А что плохого, если усталый человек помечтал чуток?

Он пожал плечами.

– Я сказал, что плохо? Нет. Просто его соседи продолжали пахать. Поняла?

Оранжевые языки плясали над толстыми прутьями, что

медленно превращаются в пурпурные угли, лицо Барвинок в багровых бликах неуловимо быстро меняется, а когда Олег подбросил новую порцию хвороста, и огонь ухватил их жадно, словно озарилось внутренним светом.

— А кто ты? — спросил он. — Почему в лесу на дереве? Ты там живешь?

— В дупле? — изумилась она.

— Ну, может быть, — предположил он, — у тебя там гнездо...

— Я лекарь, — объяснила она надменно и вздернула голову, — шла в деревню, где все заболели.

Он кивнул.

— Все так. Но как вдруг стала лекарем? Это дело не женское. Женщины лечить не умеют. А ты вообще неженка.

— Это я неженка?

Он покрутил головой.

— Погоди-погоди. Со мной не хитри. Или молчи, или реки правду.

Она посмотрела испуганно.

— Почему?

— Я вижу, — пояснил он с самодовольством, — когда человек врет. У него такое лицо...

— Какое?

Он усмехнулся.

— Хочешь знать, как хитрить? Но оно само делается. Скрыть просто не получается. Так что либо не говори вовсе, либо изрекай правду.

Она пытливо посмотрела на него, лицо погрузнело, а в синих глазах проступила глубокая печаль.

– Ты прав, – произнесла она с глубоким вздохом, в глазах заблестели слезы, – я неженка. И выросла... в очень богатой и знатной семье. Но меня хотели отдать замуж за нелюбимого, я взяла и сбежала.

Он хмыкнул.

– И все так просто?

Она покачала головой, глаза погрузнели, запруда в глазах начала заполняться, и Барвинок гордо подняла голову.

– Нет, – ответила она. – Совсем не просто. Сто раз было так тяжело, что хотела вернуться. Несколько раз уже подходила к воротам своего дворца... дома, но заставляла себя повернуть обратно. И в конце концов сумела приспособиться. А теперь вольной птичкой нравится больше, чем в золотой клетке!

Она сказала с вызовом, заранее готовая к жаркому спору и доводам, что женщина так себя вести не должна, тем более – добропорядочная, но волхв сидел, задумавшись, словно пропустил мимо ушей ее страстное заявление.

– Ты молодец, – проговорил он спустя долгое время. – Сильная птичка. Живучая. Хоть и красивая.

Она перестала сдерживать слезы, взглянула на него блестящими и недоверчивыми глазами. Нос и губы сразу распухли, словно уже ревет давно, веки покраснели, во взгляде безмерное удивление.

– Ты чего?

– А что не так?

– Ну ты вдруг сказал... ты хоть помнишь, что сказал?

Он пожал плечами.

– Что ты красивая. А что тут обидного? И умненькие бывают красивыми, хоть и очень редко. Но тебе вот повезло, так что без обид.

Она сказала торопливо:

– Да я не обижаюсь, совсем наоборот! Но почему ты за все время ни разу этого не сказал?

– Чего?

– Ну, что я...

– Красивая?

– Ну ты же так сказал!

Он произнес с некоторым раздражением:

– Когда бы я успел? Мы что, сто лет живем вместе? И вообще, что ты так прицепилась к этому слову? Ничего обидного в этом нет. Ты в самом деле красивая, хоть и умненькая, не всегда же одно другое вытесняет. Я вовсе не хотел тебя оскорбить!

Она перестала всхлипывать, смотрела на него с широко раскрытым ртом и распахнутыми глазами.

– Э-э... ну... я не знаю...

Он сказал великодушно:

– Это ничего. Не все же на свете ты должна знать. И еще ты молодец, столько прошла со мной и не хныкала. Моло-

дец! Что умеешь, то умеешь. Настоящая женщина, хоть и маленькая.

Сидя, она оскорбленно выпрямилась:

– Я? Это ты здоровенный!.. Откуда только такой взялся. Ты знаешь, мы с тобой, похоже, идем в одну деревню. Не боишься?

Он насторожился:

– Чего?

– Там что-то очень нехорошее.

Она аккуратно собрала в узелок остатки еды, сунула в мешок. От костра вкусно тянет сладковатым дымком, словно сгорают вишневые сучья, еще у некоторых яблонь бывают такие пахучие, вокруг сплошной мрак, и она пыталась представить, как это выглядит для обитателей леса: страшное багровое пламя взметывает быстрые хищные языки, которые жальют любого зверя, а сами ничего не боятся, неуязвимые и бессмертные, там двигаются жуткие черные силуэты, смутно похожие на человеческие, но от них огромные черные тени стремительно прыгают на деревья, когда их выхватывают из тьмы языки огня...

Волхв широко распахнул глаза, когда она вздохнула и поднялась.

– Ты куда?

– Надо идти, – ответила она просто. – В той деревне начали умирать люди. Слишком много. Почти половина сельчан лежит при смерти.

– А ты при чем?

– Я лекарь, – объяснила она. – Я могу их спасти!

– В самом деле можешь?

– По крайней мере, – ответила она с вызовом, – попытаюсь. Пока сейчас отдыхаю, там кто-то умирает. Так что придется идти и ночью.

Он все еще рассматривал ее удивленно, но поднялся, от него пала такая густая тень, что ей почудилось, будто там сразу исчезает все на свете, даже земля.

Лунный свет осыпал серебром вершинки деревьев, внизу чернота, однако глаза привыкают быстро, и если не влезать в дебри, то идти можно и ночью, света достаточно.

Она видела по его лицу, что он думает, мужчины – существа бесхитростные, и этот сказал именно те слова, к которым она его подтолкнула:

– Ну что ж, пойдем. Не могу же я, отобрав у одних волков, позволить съесть тебя другим! Это было бы несправедливо по отношению к первым.

Глава 7

Она фыркнула и пошла по лунному следу, но волхв догнал и заставил взять чуточку левее. И дальше вел уже он, она не спорила и даже не бурчала, прекрасно помня, что сама в состоянии заблудиться в собственном доме.

Он шел быстро, искоса поглядывал на ее разогревшееся от быстрой ходьбы лицо. Чтобы не отставать, ей приходится часто-часто перебирать не такими уж короткими ножками, вся подалась вперед, глаза горят азартом.

– А что там? – поинтересовался он, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально и даже лениво.

– Я же говорю, – объяснила она, – без всяких причин начали умирать люди. Какая-то новая болезнь. А у тебя там дело или идешь мимо?

– Мимо, конечно, – ответил он. – Мне надо в Коростень, это такой большой город. Даже очень большой по здешним меркам. А в том селе собирался переночевать... Ну, если бы тебя не встретил, уже спал бы в доме.

Она сказала твердо:

– На твоём месте я бы вообще обошла стороной все село.

– И ночевать под открытым небом?

Она скосила на него глаза:

– Вообще-то к тебе не только волки побоятся подойти! Даже к спящему.

– Спасибо, – буркнул он.

– А что, не правда? Ты страшный...

Он поморщился:

– А что значит «начали умирать люди»? Там что, жили бессмертные?

Она сказала чуточку сконфуженно:

– Я неточно выразилась, а ты сразу к словам цепляешься! Другой бы сразу все понял. Начали умирать и здоровые. Без всяких причин.

Он подумал, кивнул:

– Понятно. Но ты при чем? Собираешься пошарить в карманах померших?

Ее ушки вспыхнули от негодования:

– Ну какой дурак, какой дурак!.. Говорю же, я – лекарь. Это село, как и еще семь вокруг, входит в круг, где я врачую. Меня оскорбляет, если на моей земле кто-то заболевает. А если умирает молодым...

Он покосился на ее лицо, ссадина на щеке уже покрылась кровавой коркой, на молодых заживает быстро, но все же можно и одним словом или одним движением...

– А что харю свою не полечишь? Исцарапалась, а если грязь или комочки коры попали в кровь...

Она сердито мотнула головой.

– Некогда. Надо воды вскипятить, травы растереть...

– А взмахом руки?

Она горестно вздохнула.

– Если бы могла! Всегда завидовала тем, кто вот так... Увы, только травами, корешками, порошком из крыльев жуков.

Он кивнул, сказал чуть подобревшим голосом:

– И много трав знаешь?

Она посмотрела на него удивленно:

– Шутишь? Конечно же, все, что растут в нашем лесу, в степи и в оврагах. И еще покупаю те, что привозят из дальних стран.

– Ты молодец, – пробормотал он. – Молодец. А с виду дура душой.

Она обиженно нахмурилась, потом посмотрела недоверчиво, спросила с надеждой:

– Это значит, что я... красивая?

Он осмотрел ее заново, подумал и сказал с удивлением:

– А вообще-то да. Гм, в самом деле. Так ты и вправду что-то умеешь?

– Увидишь, – пообещала она сердито. – Если не помрешь первым.

Месяц еще ярко сиял на черном, но уже медленно светлеющем на востоке краешке, когда в нещадном лунном свете холодно заблестали крыши деревенских домиков.

На околице их встретили лаем собаки. К удивлению Олега, дорога в село перекрыта высоким частоколом, у ворот трое молодых парней у костра, что-то молча жарят, коротая

ночь, но четвертый, крепкий мужчина с суровым лицом, сразу поднялся навстречу гостям.

– Кто такие?

Голос был суровый, резкий и почти враждебный. Олег не успел раскрыть рот, как из-за его спины вышла его спутница, сказала сердито:

– Я Барвинок, ты меня разве не знаешь?

Мужчина сказал торопливо, сразу меняясь в лице:

– Прости, Барвинок, я тебя не заметил сразу... У нас беда.

– Знаю, потому и пришла, – бросила она. – Где больные, Утес?.. Олег, пойдем, он проведет нас.

Утес бросил на Олега извиняющийся взгляд, мол, прости, я не знал, что ты в услужении у нашей лекарши, быстро повел их к самому большому дому.

Олег вошел последним, в доме окна завешены тряпками и одеялами, душно, пахнет гниением и смертью. На широком ложе, на лавках и даже на полу люди на подстеленных под них старых одеялах. Кто скорчился в клубок, кто вытянулся, словно уже мертв, кто постанывает сквозь зубы.

Утес сказал за их спинами:

– Эти слегли сегодня.

– Принесите горячей воды, – сказала Барвинок отрывисто. – Чистых тряпок... Нет, сперва прокипятите и высушите.

Утес выбежал на улицу, а Барвинок быстро прошлась вдоль окон и сразу же посрывала одеяла, а створки распах-

нула настежь. В комнату ворвался свежий воздух.

Лечит она, как сразу определил Олег, быстро и умело. Лишнего времени не теряет, что могло показаться равнодушием, но ее ждут другие больные, все понимают и сами топропят, чтобы не возилась с ними больше, чем нужно. Олег посетил с нею две хаты, затем незаметно отстал, вышел во двор.

Звездное небо выгнулось высоким куполом, но бледная луна уже опускается за верхушки деревьев. Воздух наконец-то прохладный, над головой бесшумно проносятся летучие мыши. Он не обращал на них внимания, хотя, если начинал вслушиваться, мог уловить момент, когда челюсти маленького хищника раскрываются, чтобы схватить комара.

В воздухе ощутимо пахнет магией. Раньше он ее не слышал, даже находясь рядом с могучими колдунами или чародеями, но сейчас, став охотником за любым проявлением колдовства, отыскал в себе способность чувствовать, развил до такой степени, что заметит даже в деревенском мужичке, умеющем разве что сдвинуть с ее помощью ложку на столе.

Он остановил бегущего с веселым воплем мальчугана:

– Эй, герой!.. Ты чего по ночам не спишь?

– А у нас мамка заболела, – радостно сообщил мальчишка. – Встать не может и даже не ругается!

– Давно эта чума?

Мальчишка покачал головой:

– Недавно.

– Ты не болел?

– Нет.

– А другие мальчишки?

Он потряс головой энергичнее:

– Нет.

– А девочки?

Он дернулся, высвобождая плечо из пальцев незнакомца.

– Только взрослые!

– Беги, – разрешил Олег.

Хотел посоветовать больше помогать родителям, чем играть впустую, учиться, работать на огороде, но мальчишка умчался с такой прытью, что все равно бы не услышал. Да и что толку, если бы и услышал? Нужно, чтобы вся деревня, даже соседние вот так... а то если где будут мучить, как дети решат, а в соседней свобода, то и от родителей убегут. В этом возрасте все родители – злобные мучители и ограничители свобод и удовольствий...

Светящаяся лодочка ныряла в темные тучи, мужественно боролась там, не давая себя утопить, выныривала и снова плыла над деревьями, принаравливаясь к их скорости. В домах везде темно, только у самого дальнего между плотно притворенными ставнями пробивается слабый лучик света.

Олег подошел неслышно, щель расширилась, когда припал к ней глазом. Комната небогата, но чувствуется, что хозяин мог бы жить достойнее: медная и бронзовая посуда вперемешку, трехрогий подсвечник старинной работы на сере-

дине стола, вместо грубых лавок или табуреток настоящие стулья со спинками. Все остальное как и у других: огромная печь, полати, полки с посудой, горшки из глины, а один из темного чугуна, в этих краях именуемый просто чугуном.

Тревожное чувство кольнуло иголочками, он так и эдак изгибался, стараясь увидеть краешек второй комнатки, где видна спинка кровати, но щелочка как будто еще сузилась, он вздохнул и так же тихо пошел к крыльцу, но узкий лучик из дальнего окна привлёк внимание.

На этот раз увидел часть маленькой комнаты, под стеной грубо сколоченная кровать, на полу вытертое старое одеяло, в селах это заменяет ковры, а на лавке у стены мужичонка, дряблый и плюгавенький, согнулся, уперев локти в колени, и тупо таращит глаза на колченогую табуретку.

Олег сперва не сообразил, с какой стати у мужичка вздуваются жилы на висках и течет пот по лицу, но табуретка вдруг сдвинулась и даже попыталась повернуться вокруг оси, но передумала. Мужичок перевел дыхание, набрал в грудь воздуха и, заперев дыхание, натужился снова.

Теперь понятнее, сказал Олег мысленно. Вернувшись к крыльцу, он поднялся по ступенькам и постучал громко и уверенно. В доме стало совсем тихо, он постучал громче. Почудилось, что с той стороны кто-то приблизился и слушает. Постучал еще раз и сказал раздраженным голосом:

– Открывай!.. Я знаю, кто ты и что ты.

За дверью вроде бы завозилось, но дверь осталась запер-

той. Затем послышался глухой голос:

– Кто там?.. Я уже спал... Ходят тут всякие...

– Открывай, – повторил Олег. – Или хочешь, чтобы я сказал всем, кто ты есть? И что натворил?

Щелкнуло, дверь распахнулась. Мужичонка испуганно смотрел на Олега снизу вверх, щуплый и тщедушный. Козлиная борода, впалые щеки, лихорадочный румянец на бледных щеках, в глазах страх, неприязнь и желание то ли ударить, то ли как-то еще избавиться от странного и настойчивого гостя, что вообще-то должно быть несвойственно таким вот тщедушным, ударить человека вдвое сильнее себя может либо сумасшедший, либо человек с топором в руках, а его противник крепко привязан к дереву...

– Ты кто?

– Тот, – произнес Олег четко, – кто знает.

Он толкнул легонько хозяина в грудь, тот поспешно отступил на три шага, чтобы не упасть, а волхв вошел в сени и захлопнул за собой дверь.

Мужичок отступил еще, глядя затравленно снизу вверх в грозное лицо незнакомца.

– Что ты хочешь? Ты грабитель?

– Веди в комнату, – велел Олег.

Хозяин послушно отворил дверь, Олег вошел следом, быстро огляделся. Не слишком богато живет колдун, не слишком. Значит, не хапает все себе, такие еще опаснее...

– Давай, – сказал он, – рассказывай.

Он прошел к столу, ногой отодвинул табуретку и сел. Хозяин смотрел исподлобья, глаза суетливо бегают из стороны в сторону, наконец собрался с духом и заговорил как можно тверже:

– Кто ты, что врываешься вот так?

– Я же сказал, – ответил Олег, – я знаю. Ты влез в дела, которые тебе не по уму. Вот за что и ненавижу этих... удачливых! Когда сваливается на плечи удача, все вы теряете способность соображать... Тебя как зовут?

– Остап... Я не понял, о чем ты говоришь!

– Колдовство, – произнес Олег веско. – Будешь отнекиваться? Вся деревня болеет!

Мужик отступил к стене.

– А я при чем?

– При том, – сказал Олег. – Никакой заразы нет. А люди вдруг заболели! Чем тебе не угодили? Кто-то наступил на ногу?.. Чья-то жена отказала?

Мужик пробормотал:

– Если чья-то жена, то при чем тут вся деревня? Я бы только ее...

– А потому что еще пользоваться не умеешь, – объявил Олег безжалостно. – Только пробуешь, дурак. Где у тебя магическая вода?

Хозяин прижался к стене, лицо стало бледным.

– Какая вода? Никакой магической воды не знаю!

Олег поднялся и неспешно пошел к нему, угрожающе по-

водя плечами. Мужик выставил перед собой руки.

– Не подходи, душегуб! Закричу!

– Кричи, – предложил Олег. – Кричи громче, я с удовольствием посмотрю, что с тобой сделают односельчане.

Мужик сглотнул слюну, глаза зыркнули по сторонам, сказал слабо:

– погоди... Все не так, как ты думаешь. Я никому не собирался вредить...

– Получилось нечаянно, – согласился Олег. – Ты их хотел только помучить чуть. Тебе ж неведомо, что у одних здоровье крепче, а у других слабее?.. Или просто забыл?

– Да как-то не подумал сразу...

– А подумал потом, – сказал Олег безжалостно. – Все вы задним умом крепки. Я сам такой, потому останавливаюсь и сперва долго думаю. А ты умный, ты сразу...

Мужик развел руками:

– Я стараюсь все поправить...

– Но пока не получается? – спросил Олег безжалостно. – Где прячешь воду? Где взял?

Только что он стоял неподвижно в двух шагах от колдуна, и вдруг тот ощутил сильную руку на своем горле. В страхе ухватился за нее обеими руками, пытаясь отогнуть хоть палец, но те, как железные, впились в его плоть, прогибая и не давая дышать.

– Ты сейчас умрешь, – сказал Олег раздельно, – а воду я все равно отыщу. Понял?

Колдун кивнул, лицо его уже стало синим. Олег чуть ослабил пальцы, тот прошептал:

– Под полом... Там погреб... Тайник в правой стене...

Олег кивнул:

– Хорошо. От кого взял?

Колдун сипел, синел, Олег придавил сильнее, лицо стало злым и неумолимым. Несчастный понял, что сейчас умрет, если не скажет, просипел:

– От Назара... Это в городе...

Олег сказал с отвращением:

– Не буду допытываться, чем ты ему заплатил, это неважно. Но ты поступил недобро к односельчанам...

Его пальцы сжались сильнее, колдун захрипел, забился в его руках, но Олег не отпускал, пока жертва не затихла. Не выпуская из рук, он перетащил к столу, усадил и, сунув в рот огромный кус мяса, опустил лбом на столешницу и вышел.

Глава 8

Барвинок цвела, глаза сияют, как самое чистое и безоблачное небо, щеки покраснелись, а сварливый голосок стал щебечущим, как у веселой и всем довольной птички:

– Все получилось!..

– Что? – переспросил Олег. – Что у тебя получилось?

– Все выздоровели, – сообщила она радостно. – Просто чудо! У меня никогда не получалось так быстро!

Он кивнул, лицо оставалось равнодушным.

– Это хорошо. Растешь.

Она сказала обиженно:

– Ты хотя бы порадовался!

– Я рад, – ответил он так же равнодушно. – Сколько народу сегодня выйдет в поле! Да и в домах много работы.

Она посмотрела с упреком:

– А за меня не рад?

– И за тебя, – сообщил он. – Теперь будешь лечить еще лучше, хорошо. Полезно. Нужно людям!

По деревне радостно кричали петухи, словно тоже раньше болели, из труб пошли дымки. От соседних дворов справа и слева стал доноситься радостный говор.

По двору медленно уползает лиловый туман, такой бывает только на восходе. Олег набрал в ладони воды из таза и поплескал в лицо, вздрагивая от свежести. За окнами трепе-

шут на проснувшемся ветерке веточки с мелкими листочками, воздух с утра прозрачный, холодный, будто тоже из родника.

Хозяйка внесла в комнату и тихонько разложила на столе краюхи черного хлеба с крупной солью, затем выложила из-под полотенца жареное мясо, рыбу и сыр.

– Кушайте на здоровье, – сказала она счастливо. – Что бы без вас делали!..

– Да не так уж и помогли, – сказал Олег и посмотрел на Барвинок. – Вы бы и сами выкарабкались...

– Не знаю, – ответила хозяйка. – Много народу померло.

– Но сегодня уже никого?

– Никого, – подтвердила она. – Правда, Остап утром представился, но он, говорят, удавился куском мяса...

– Ну и хорошо, – сказал Олег, – что последний. Можно компота?

Хозяйка улыбнулась.

– Для вас можем принести даже вина! У старосты целый бочонок.

– Вина не надо, – ответил Олег. – Правда, если Барвинок жаждет напиться на радостях...

Хозяйка улыбнулась и вышла, не дожидаясь ответа лекариши. Ее вкусы знают, понял Олег, хорошо быть везде желанным человеком. Впрочем, в мире людей кто-то должен делать и очень нежелательную, но необходимую работу...

Барвинок сердито сопела, но ела с аппетитом, только зло

косила в его сторону глазом, больно умильно смотрит, будто подобрал голодающего облезлого котенка, налил в мисочку молока и радуется, жрет он, жрет, значитца, не издохнет...

Во дворе у коновязи бьет копытом и с недоверием косится огненным глазом рослый конь с роскошной гривой и широкими массивными копытами. Олег протянул ему на ладони сахар, конь подумал, осторожно взял мягкими бархатными губами.

Олег похлопал великолепное животное по шее.

– Не грусти по селу, подружимся. Зато увидишь земли, помимо этой деревни.

Барвинок смотрела, как он принялся седлать коня, когда только и успел купить, спросила торопливо:

– Ты сейчас куда направляешься?

– В Коростень, – буркнул он, не оборачиваясь.

Она ощутила раздражение, мужчина должен быть вежливее, но заставила себя сделать голос веселым и щебечущим, мужчины любят именно щебетанье:

– В Коростень?.. Как здорово!

– Чем же? – проворчал он.

– А всем, – ответила она уже в самом деле бодро, этот гад мог вообще не ответить, – мне тоже в Коростень. Просто здорово!..

– Чем? – повторил он, затягивая подпругу ту же. – Если хочешь напроситься в спутники, то зря.

Она спросила обиженно:

– Почему?

Он повернулся и посмотрел ей в глаза. Она закинула голову, стараясь смотреть в колдовские зеленые глаза смело и бесстрашно.

– Почему? – повторила она.

– Я еду быстро, – объяснил он сумрачно. – Еду напрямик. Понимаешь, мужские дороги несколько отличаются от женских.

Она тряхнула головой, раздражение начало подниматься быстро, но заставила себя мило улыбнуться и прошептать как можно беспечнее:

– Ты будешь удивлен.

– Чем?

– Я не отстану, – заявила она уверенно. – Я не буду помехой. А полезной в дороге быть смогу.

– Чем?

– А всем. Погоди только, я сторгую и себе коня.

Он покачал головой:

– У них больше нет свободных для продажи.

Она фыркнула:

– Даже для меня?

– А ты при чем? Когда нет, то просто нет.

– Я проверю, – ответила она независимо, – если не получится, разве не подвезешь на своем до соседнего села? Оно как раз по дороге.

Через полчаса поисков пришлось признаться, что волхв прав: благодарные крестьяне готовы ей отдать всех своих коней, но эти смирные лошадки годятся только медленно тащить за собой соху, и если такая кляча пойдет вскачь, всех удивит больше, чем идущий снизу вверх дождь.

– Ладно, – сказала она рассерженно, – придется с тобой.

Он поморщился:

– Да я вроде бы не настаивал...

– Как не настаивал? – ответила она. – Еще как настаивал!

Я же по глазам видела!..

Он ухмыльнулся насмешливо, вроде бы поколебался, у нее замерла душа, но руку протянул. Она ухватилась, он поднял ее с такой легкостью, словно щенка, она оказалась впереди в кольце его рук, сладостное чувство разлилось по телу с такой силой, что тут же сказала рассерженно:

– И вот так сразу обниматься?

– Хочешь сзади?

– Еще бы!

Он молча взял ее, как куклу, и пересадил сзади себя. Конь переступил с ноги на ногу, Барвинок инстинктивно ухватилась за волхва, он и здесь кажется надежной скалой, которую не пошатнут даже землетрясения, но больно ударилась лицом о его чересчур твердый лук за плечами.

– Готова? – спросил он.

– Да, – ответила она, сердитая на себя, что поменяла такое

место на это, и на этого бесчувственного чурбана, что послушался с такой легкостью. Все-таки мужчина должен настаивать на своем, чтобы утверждать свое превосходство. Тем более в таком деле. Одно дело держать ее почти в объятиях, такую маленькую и хрупкую, другое – забросить за спину. – Если ты, конечно, не возражаешь!

– Ничуть, – ответил он. – Держись крепче!

– Не упаду, – ответила она независимо. – А ты лук не хочешь перевесить поближе к посоху?

– Чтоб он не скучал?

– Как ты хорошо все понимаешь!

– Как тебе удобнее, – ответил он.

К ее радости и несказанному облегчению, он в самом деле снял лук и колчан со стрелами, повесил у седла, только не справа, где посох, а слева, не такой уж и чурбан, если учитывает ее пожелания.

Тут же он по-разбойничьи свистнул, конь рванулся совершенно неожиданно. Ее откачнуло почти на круп, она кое-как выровнялась и ухватила за его пояс, не понимая, что за травы дал лошади, почему вдруг понесла так резко.

Утро очень быстро перетекало в знойный и слишком солнечный день, когда на солнце трудно взглянуть, а снизу в глаза стреляют узкими острыми лучиками пластинки слюды и кварца.

Волхв сразу от деревни пустил коня по дороге, та вышла на еще более широкую и протоптанную. Копыта стучат гул-

ко и часто, в ушах свистит ветер, сеет навстречу тончайшую дорожную пыль, справа от нее проплывают развалины древних сооружений... Уже тысячи лет как постепенно разрушаются, заброшенные и покинутые, а когда-то, подумала она с грустью, здесь кипела жизнь, слышался веселый говор, скрипели нагруженные телеги, ржали кони, звенели подвески в женских ушах, хлюпала холодная вода в ведрах...

Олег помалкивал, пришлось начинать растормашивать его самой, но о себе вроде бы неприлично вот так сразу, пришлось начать интересоваться руинами. Волхв отвечал сперва нехотя, потом вроде бы ощутил, что самого захватили воспоминания, и начал рассказывать о древних царствах, давних народах, явившихся ниоткуда и сгинувших в одночасье... Хотя, конечно, больше таких, что зарождаются медленно и неспешно, а потом так же степенно угасают, давая место другим, молодым и уверенным.

Она слушала, иногда вставляла какие-то реплики, чтобы показать, что да, интересно, еще как интересно, как здорово, ух ты, да не может быть, ну никогда бы не подумала, неужто правда так было, и все не могла найти удобный переход, чтобы заговорить о себе, такой замечательной, красивой и умнице...

Ну, если нет перехода к ней, то хотя бы кое-что узнать и о нем от него самого, но волхв, как нарочно, говорил только о древних народах, а знает о них удивительно много и никак не дает перейти на личности, что всегда так интересно, так

увлекательно...

Конь мчался без устали, она уже устала болтаться за спиной волхва, а солнце едва-едва вскарабкивается к зениту. К счастью, этот чурбан, похоже, проголодался, а от скачки всегда есть хочется быстрее, повертел головой и обронил небрежно:

– Вон там передохнем малость.

Она сразу же сказала радостно:

– Что, устал?

Он хмыкнул:

– А ты нет?.. Полдня вот так мчаться...

Она почти пропела сладеньким голоском:

– А ты коню своему скажи, что это ты так мчался.

Конь оглянулся на нее и, как ей показалось, ухмыльнулся. Она ощутила себя бодрее, как всегда, когда удастся укунить одного из этих рослых и сильных мужчин, уверенных, что они хозяева всего на свете.

Впереди густая роща, но Олег забираться вглубь не стал, остановил коня на опушке, расседлал и, забросив повод на спину, похлопал по боку:

– Ты хорошо потрудился. Отдохни малость...

Она наблюдала критически, как он складывает в шалашик сухие ветви для костра.

– Может быть, – предположила она ядовито, – ты покормишь коня? Или ему этой травки хватит?

Он повернулся к ней, на лице удивление:

– А что, их и кормить еще надо?.. Вот уж не думал... Ну тогда покорми, раз знаешь как.

Раздосадованная, она молча взяла сумку с овсом и пошла к коню. За спиной вскоре затрещал костер, а она надела сумку коню на морду и привязала, чтобы он сам встряхивал ее и доставал зерна.

Олег разложил еду, солнце сверкает в его красных волосах, из-за чего голова кажется объятая жарким пламенем, но зеленые глаза говорят о холоде внутри этого странного человека. И голос его прозвучал прохладно, когда он сказал:

– Справилась? Садись, ешь. Как только дожухешь последний кусок, сразу едем дальше.

– Ну, а как же, – отозвалась она и напредила себе, что нужно не торопиться, как она ведет себя всегда за столом, не пожирать еду, а вкушать, как ее всегда учили родители. – Это и понятно. Странно, что это ты мне говоришь, а не я тебе!

– Действительно, – проворчал он.

Она взяла в руки хлеб и сыр, посмотрела на волхва искоса.

– Мне кажется, – заметила она осторожно, – ты не очень любишь женщин?

Он сдвинул плечами:

– Просто остерегаюсь. Разбойники требуют кошелек или жизнь, женщины и то и другое.

– Кошелек жалко?

– Ничуть, – возразил он. – Чего жалеть то, чего нет? Женщины, как и сны, никогда не бывают такими, какими хочешь

их видеть. А это уже опасно.

Она победно расхохоталась, стараясь держаться так, чтобы рассмотрел ее и в профиль, у нее потрясающая линия от переносицы, через кокетливо вздернутый нос и пухлые губы к выступающему подбородку, изящное такое соединение красоты и силы духа. Да и грудь так кажется крупнее...

– Опасно, – сказала она с нажимом, – потому что боишься поражения?

Он ел молча, пережевывал медленно и старательно, как корова жвачку, ответил не сразу и чуточку невпопад, как будто уже думал о чем-то другом:

– Не спору, самая глупая женщина сможет сладить с умным мужчиной. Но чтобы сладить с дураком, нужно быть самой умной... А ты какой себя считаешь?

Она замешкалась лишь на долю мгновения, но красивые женщины за словом в карман не лезут, их чирикание всегда звучит приятно:

– Конечно же, умной!..

– Понятно, – пробормотал он. – Ты ешь, ешь.

Она некоторое время ела молча, потом внезапно хихикнула, брови взлетели вверх.

– Смешинка в рот попала? – спросил он.

Она затрясла головой:

– Нет, вспомнила, как уезжала из города... Там всех магов трясло, прослышали о некоем воине, что поклялся истребить все их племя! Они не то убили его жену, не то всю

семью, и потому воин люто мстит им и не успокоится, пока...

Ее голос утих, смех исчез из глаз, а лицо стало серьезным и задумчивым.

– Пока что? – спросил он.

– Пока не убьет всех, – закончила она. – И хотя это невозможно, но... убить может многих. По слухам, невероятно хитер, коварен, злобен и все продумывает на много шагов вперед.

Волхв подумал, кивнул.

– Ты права, – проговорил он, – ерунда какая-то. Когда, говоришь, это началось?

Она ответила послушно:

– Давно. Лет тридцать тому.

Он махнул рукой:

– Любая боль за годы забывается. Как бы ни любил жену и детей, но горечь постепенно уходит. Человек снова начинает жить... а если бы помнил все так же ярко, как и в тот день, когда его родных убили, он бы свихнулся. Все мы свихнулись бы. Так что это брехня про мстящего воина.

Она сказала независимо:

– Но говорят же... А если он дал великую клятву? И теперь раб своего обещания? В смысле, преступить не может?

– Сам дал, – буркнул он, – сам и взял обратно. Мало ли какие клятвы мы давали в детстве? Годы идут, начинаешь видеть, что был дурак и клятвы дурацкие. Не-е-ет, тебя обманули.

– Но слух...

– Слухи бывают всякие, – сказал он с невеселой усмешкой. – Сколько я слышал про деревья-людоеды! Указывали даже места, где хватают людей и жрут. Но что-то никогда их там не находил. Так что брехня все это. Брехня.

– Ну и хорошо, – сказала она рассудительно, – а то чуть не удавилась, когда вот подумала только про такое чудовище! Как можно убивать магов?

– Убивать можно всех, – ответил он и вздохнул, словно тащил на себе гору. – Увы, можно.

Глава 9

После трапезы она вытащила расческу с редкими короткими зубчиками и старательно причесывалась, глядя в небо, как в зеркало. Олег начал хмуриться, она оглянулась через плечо и объяснила, как ребенку:

– Если женщина выглядит менее красивой, чем может, это считается преступлением.

– Это в какой стране? – удивился он.

– В какой-какой... В любой. Не знал? Да что ты такой дикий? Из леса вышел, что ли?

– Гм, – сказал он мрачно, – в самом деле...

Она дочесалась, он видел, с каким усилием продвигается расческа, и понял, что для таких густых волос зубчики можно было бы сделать и еще пореже.

Конь уже сожрал весь ячмень и подбрасывал мордой сумку больше для игры, чем пытался выловить последние зернышки.

Она надеялась, что волхв как бы забудет, где она сидела, всякий мужчина пустился бы на эту хитрость, но он не додумался до такого чисто мужского поступка, и она снова села позади, сердитая и разочарованная настолько, что даже забыла чирикать, чего всегда мужчины ожидают от женщин.

На этот раз конь чаще шел рысью, чем галопом, но все же не останавливался, в степи то и дело возникали рощи,

небольшие островки леса, на такой же скорости проносились мимо озер, а ей так хотелось снова искупаться и на этот раз так показать фигуру, чтобы у него глаза на лоб повылазили, однако конь и волхв одинаково смотрели вперед, ветер свистел в ушах, а земля одинаково мелькала под копытами.

Солнце долго жгло голову и плечи, наконец все-таки начало склоняться к далеким зеленым холмам. Сизые слоистые облака потемнели, стали похожими на ржавую жесть, по земле пролегли темные красноватые тени.

Слева пошла гряда древних гор, ей показалось, что стена испещрена гнездами птиц, что селятся в таких стенах, но когда промчались вблизи, поняла со смятением, что это бесчисленные катакомбы, трудолюбиво вырубленные в этих горах.

– Как они здесь живут... – пробормотала она.

– Ищут, – буркнул он.

– Какие тут могут быть сокровища?

Он вздохнул:

– Женщина, лучше молчи.

Очень не скоро солнце, наполовину перечеркнутое жестяными облаками, узкими, как лезвие меча, коснулось края земли, красное и огромное, распухшее. Ей показалось, что пульсирует, как живое усталое сердце, торопясь погрузиться там внизу в темный сон, чтобы утром, хорошо отдохнув, подняться свежим, веселым и сияющим.

Перед ними простиралась степь, заросшая жесткой тра-

вой, Олег вздохнул тяжело и повел рукой.

– Вон там подземелье, – сказал он мрачно, – великого царя скифов Ариаласа. Стены его выложены чистым золотом в два пальца толщиной, гроб из чистого хрусталя, а постамент под ним из дорогого малахита. Весь зал занимает его личное оружие и доспехи, на которых драгоценных камней столько, сколько не видели все нынешние цари мира...

Она жадно приподнялась, держась за его плечи, как за скалу.

– Где-где его закопали?

Он мотнул головой:

– Вон там. Но вряд ли найдут...

– Почему?

– Подземелье на большой глубине. И, как видишь, везде пески... Сейчас все ориентиры потеряны, как и было задумано.

Она сказала насмешливо:

– Но ты-то знаешь?

– Знаю, – ответил он.

– Так почему не раскопаешь? Понятно, одному такое не по силам, но собрать людей побольше, договориться...

Он буркнул:

– Ну и зачем мне эти мелочи?

Она умолкла озадаченная, волхв явно говорит серьезно, но мужская логика слишком проста и примитивна, чтобы ее понять, она спросила сердито:

– Мы и ночь будем вот так?

– Что вот так? – переспросил он. – Все-таки восхотела вперед?

– Размечтался, – отрезала она. – А как насчет того, что порядочные люди ночью спят?

Он подумал, начал придерживать коня.

– Так то порядочные... Ладно. Вон неплохое местечко.

Три огромных дуба, как богатыри, высились среди долины, могучие и размашистые, под ветвями можно укрыться целой деревне. Конь прошел, хрустя желудями, еще за пару сот шагов до деревьев. Олег соскочил, легко снял маленькую женщину, она благоразумно запротестовала, когда он уже держал ее в руках, не посадит же снова, хотя от прямолинейных мужчин ожидать можно всего, а когда ее ноги коснулись земли, снова не стала возмущаться такой бесцеремонностью, а то поверит и больше снимать с седла не станет, мужчины вообще-то звери бесхитростные, часто верят не тому, чему надо.

Он начал расседлывать коня, она сказала ему в спину:

– Здесь вода где-то есть?

– С той стороны, – ответил он, не оборачиваясь. – Там и кусты, кстати. В сторонке.

Когда она вернулась, он уже сидел у жарко пылающего костра на толстом сухом бревне с гладко ободранной корой. За его спиной громоздится куча крупных сухих сучьев, на три ночи хватит.

– Быстро ты, – сказала она. – И бревно откуда-то притащил.

– Это ты долго, – обронил он.

– Я? Я всегда собираюсь быстро!

– Ну да, – согласился он, – вы все собираетесь... даже очень быстро. Полководец Гилас за это даже убил, осерчав.

– За что?

– Быстро собиралась, – объяснил он.

– Но я в самом деле быстро!

Он промолчал, потыкал толстым прутом в костер. В середке уже пурпурные угли, с веселым треском взвился рой красных искр, закружился и унесся ввысь к холодным, как льдинки, звездам.

Далеко в полумраке раздался тоскливый волчий вой. Олег не повел и бровью, Барвинок вздрогнула, зябко повела плечами. Костер горит ярко, потому темнота темнее тьмы, и лишь здесь не только жизнь, но и весь мир, а там дальше хаос, бесформенный ужас, небытие.

Волчий вой раздался ближе, уже с другой стороны. Олег снова не шелохнулся, Барвинок придвинулась ближе к огню и пугливо посмотрела по сторонам.

– Это правда, – спросила она с надеждой, – что волки огня боятся?

– Огня боятся все, – равнодушно ответил он. – А ты не боишься?

– Ну, если не лезть в самую середину, – возразила она.

– Волки тоже хватают только тех, кто возле, – успокоил он.

Она сказала саркастически:

– Ну, спасибо!

Он прислушался, обронил тихонько:

– Только это не волки.

Жуткий вой приблизился, но странно стал тише, в нем уже не звучала звериная ярость. Олег сидел все так же спокойно, Барвинок вздрагивала, надеясь, что звери, кем бы они ни были, увидят такой огромный костер и нападать не решатся.

– Вроде бы ушли? – спросила она с надеждой.

– Нет, – обронил он.

Она прислушивалась изо всех сил, однако вой постепенно затих, деревья стоят могучие и уверенные, прикрывая их сверху ветвями от любой напасти. Ночь звездная, ясная, луна изо всех сил доказывает, что она тоже солнце, пусть не для людей, но для кого-то упыри, призраки и мертвецы – вполне люди, за неимением получше.

Постепенно она осмелела настолько, что, когда пламя опустилось до раскаленных пурпурных углей, поднялась и перенесла несколько сухих веток к костру. Самые толстые и длинные переломить не удалось, а Олег все так же задумчиво наблюдает за перебегающими по багровым углям ярко-алыми искрами, похожими на быстрых огненных муравьев.

Рассердившись, она обронила ядовито:

– Говорят, мужчина никогда не устанет смотреть на то, как

горит огонь, бежит вода и работает женщина. Как думаешь, это правда?

Он подумал, кивнул:

– Не знаю. Ложись.

Она сказала еще саркастичнее:

– Вот так сразу?

– Ложись, дура, – велел он грозно.

Она раскрыла рот для возмущенной отповеди, да за кого он ее принимает, да кем считает себя, да кто ему дал право, но кусты затрещали и оттуда выметнулись крупные серые тела. Сильно и страшно пахнуло волчьим духом. Олег уже с посохом сам неуловимо быстро шагнул навстречу и чуть в сторону, в его руках через мгновение уже вращается сверкающий в огне костра круг, багровые блики швыряет в темноту, и там слышится злое шипение.

На него бросились сразу с трех сторон. Она услышала два резких удара, третий успел ударить его дубиной, совсем не волк, как она думала, но Олег подставил плечо, и тут же нападавший согнулся в поясе, упал и задергал ногами. Двое ухватили оцепеневшую Барвинок, почти сразу перед ее глазами мелькнул конец посоха, глухой удар, словно по дереву, на нее брызнуло теплым.

Последний еще не понял, что случилось, и потащил ее по направлению к кустам, однако обмяк, руки разжались, а когда Барвинок с отвращением освободилась, тяжело завалился лицом вниз. Между лопатками холодно поблескивает рез-

ная рукоять ножа, лезвия не видно совсем.

– А где волки? – возопила Барвинок.

– Их и не было, – ответил он.

Она оторопело смотрела, как он выдернул нож, тщательно вытирал темный от крови клинок, пока не заблестел, сунул в ножны.

– А кто был?

– Может быть, – поинтересовался он сумрачно, – сама догадаешься? Ты же у нас умная.

– Грабители, – озадаченно произнесла она. – Но почему так пахло волчьим духом?

– Чтобы думали на волков, – сообщил Олег. – И готовились отбиваться от них. Непонятно?

Она смотрела на разбросанные тела с отвращением и страхом. У всех на головах шапки из волчьей шкуры, штаны и сапоги оторочены волчьим мехом, а на плечи наброшены волчьи шкуры. Никто не сдвинулся с момента, кто как рухнул, она преодолела страх и отвращение, ее дело – лечить, пугливо опустилась возле одного, осмотрела голову.

– Что скажешь? – спросил Олег.

Голос его звучал насмешливо и одновременно грустно.

– Ты его убил, – ответила она сердито.

– А вот этот?

Она оглядела второго и ответила еще рассерженнее:

– И этот мертв!

– Хорошо, – сказал он удовлетворенно и, ухватив их за но-

ги, тут же уволок в темноту. Она проводила его злым взглядом, но тут же ощутила, как страшно и одиноко одной, хотя и костер уже не просто горит, а довольно ревет, с щелканьем зубов пожирая новые ветви, и волхв ушел явно недалеко.

Вернулся Олег в самом деле скоро, поинтересовался деловито:

– Как остальные?

– Мертвы, – сказала она глухим голосом.

Он ухватил за ноги еще двух и утащил по земле так же просто, как муравей тащит большого жука. Она чувствовала, что ее трясет все меньше, холодный ужас испаряется, обратила внимание на свежую кровь на рукаве...

Когда Олег вернулся за последним трупом, его спутница в ярости пинала труп, стараясь сделать ему побольнее. На появление волхва даже не обратила внимания.

Он в удивлении покачал головой:

– Ты чего вдруг такая злая?

Она изумилась, красная от гнева:

– Я? Злая? Да ты знаешь, что этот гад сделал?

– Материк опустил в океан? – поинтересовался он озадаченно. – Или сжег полстраны?

– Хуже! – прокричала она. – Я из-за него обломила ноготь! Ты видел, какие у меня красивые ногти? Не брешь, ты не мог не заметить!

Он спросил с недоумением:

– Ну и что? Отрастет...

Она взвизгнула негодуяюще:

– Ты не понимаешь? В самом деле не понимаешь? Ну откуда такие дикие берутся? У женщины всегда должны быть красивые ногти! Ежедневно!

Он сдвинул плечами.

– Да какая разница, какими царапаться.

Ее ярость была так велика, что лишь распахнула огромнейшие, как высокогорные озера, и дивно синие глазищи, грудь приподнялась, набрав воздуха для возмущенного вопля, но так и застыла, не понимая глубины такой дикости.

Он ухватил последнего убитого разбойника опять же за ногу и уволок в темноту. Некоторое время трещала галька, слышались шаги и шорох, потом все затихло.

Олег вернулся спокойный, отряхнул ладони:

– Ну, а теперь...

– Значит, – прошипела она, как рассерженная змея, – ногти только для царапанья?

Он хмыкнул:

– Когда я такую дурь говорил?.. Нет, конечно. Ногти в основном для чесания. Правда, это у нас, мужчин. У прочих – не знаю, не задумывался... Есть хочешь?

Она приготовилась завопить, но ощутила, что в самом деле сильно и уже давно хочет есть, спросила помимо воли:

– А разве у нас что-то есть?

Глава 10

У него, конечно, оказалось и мясо, и сыр, и хлеб, все аккуратно завернутое в чистое полотно, хлеб свежий и мягкий, сыр пряный, мясо будто только что со сковородки, а в отдельном узелке мелкая белая соль, совсем не похожая на обычно серую и крупнозернистую.

Она думала, что после пережитого неделю в рот ничего не возьмет, однако еда выглядит так аппетитно, а этот грубый человек уже принялся жрать, именно жрать, да с таким аппетитом, что она не выдержала и, сдерживая себя, замедленными движениями взяла ломтик сыра и положила на скибку хлеба.

В ноздри ударил дразнящий запах, она так же медленно откусила, все еще пытаясь соблюдать манеры, но решила, что дикарь все равно не оценит, глупо перед ним стараться, и дальше вела себя достаточно искренне.

– Волки не набросятся? – спросила она с набитым ртом.

Он спросил с удивлением:

– С какой стати?

Она сказала саркастически:

– Да-да, с какой! Они и на живых охотятся, а тут вблизи пять трупов! А запах свежей крови слышно далеко...

– Ешь, – сказал он мирно. – Я их сбросил в глубокую щель тут поблизости. Пусть достают оттуда, если решатся.

Она сказала озадаченно:

– Я не заметила никакой щели...

– Это с той стороны, – объяснил он.

– Сколько же у этих деревьев сторон, – пробормотала она. – Слушай, ты такой предусмотрительный. У тебя даже соль... Часто странствуешь?

– Почти всю жизнь, – сообщил он.

Она помолчала, такая глупость не укладывается в голове, но у мужчин дури много, кивнула на его амулеты:

– Зачем?

Олег посмотрел с вопросом в глазах.

– Обычно их прячут, – пояснила она. – Либо дома в потайных местах, а если в дороге – под одеждой.

Олег пожал плечами:

– Не люблю ссор. Когда видят, что у меня их вон сколько, сразу смиряют.

– Наверное, – сказала она задумчиво, – это тоже хорошо. Хотя и непонятно.

– Что непонятно?

– Почему избегаешь драк, – пояснила она. – Мужчины с такими кулаками обожают подраться.

– Драки ничего не дают, – сообщил он.

– А тебе надо, чтоб давали?

– Да.

Она фыркнула.

– Посмотрите на него. Какой мирный!.. Хотя да, камешки

у тебя очень непростые. Я половины даже и не знаю. Если бы вот те не были на почетном месте, я бы решила, что в самом деле простая галька.

– Лучше всех поет, – заметил он, – самая простая и невзрачная птичка. Соловей, если о такой слыхала.

Она сказала задиристо:

– Это я слыхала! Удивительно, что и ты слыхал. Тебе же медведь на ухо наступил.

– Зато ничего больше не оттоптал, – сообщил он скромно.

Она сказала радостно:

– Но-но, не намекивай!.. Я девушка гордая. И твои зеленые глаза на меня не действуют. Не вздумай лезть ко мне ночью.

– Хорошо, – согласился он оскорбительно легко. – Не вздумаю. И ты тоже.

– Что-о?

– Не лезь ко мне, – объяснил он. – У меня обет целомудрия.

Она охнула в великом возмущении:

– Я лезть к тебе?.. Да что ты о себе возомнил? Я вообще рыжих не выношу!

Она легла поближе к костру, хотя не зябко, но страшно, вдруг из темноты протянется хищная лапа и цапнет ее за ногу, потому она старательно подгибала их, подтягивала к подбородку и скручивалась так, что только спина горбиком со всех сторон, а она внутри, как свернувшийся клубочком еж.

Олег, к ее разочарованию, лег по другую сторону костра, хотя ничто не мешало лечь рядом, а там мог бы словно невзначай, якобы во сне, закинуть на нее руку, и тогда бы она могла с возмущением ее сбросить, как отвратительную змею, и покричать о мужском скотстве, о грубости, о дикости...

Правда, потом и она, уже в глубоком сне, во сне можно, могла бы прижаться к нему, сильному и надежному, этого у него не отнимешь, несмотря на все его недостатки, и даже если бы обнял ее за плечо, сделала бы вид, что крепко спит и не чувствует, зато так намного защищеннее и уютнее, чем сейчас, когда от костра слишком жарко, можно вообще загореться, а со спины не только холодно, но и страшно.

И все-таки даже на расстоянии она чувствовала исходящую от него уверенность и защиту, повозилась, заворачиваясь в одеяло, как гусеница в кокон, а уснула быстро и неожиданно.

Проснулась, чувствуя себе свеженькой, отдохнувшей и даже не голодной. Что-то есть в присутствии большого сильного мужчины, когда если умом и страшишься, но верный женский инстинкт говорит, что на такого можно положиться, все сделает и обо всем позаботится.

Даже конь спокойно дремлет, как только его не увели эти разбойники. У них же расчет был и на то, что от волчьего запаха кони в ужасе безумеют и разбегаются, обрывая любую привязь.

От костра идет надежное сухое тепло. Толстый слой серого пепла, легчайшего и просто невесомого, покрывает крупные комья углей, и когда легкий утренний ветерок сдул с боковых серое покрывало, обнажились с кулак размером пурпурные раскаленные комья.

Послышались шаги, волхв вышел из-за дуба, такой же широкий в плечах, невозмутимый и вообще чем-то похожий, хотя, конечно, назвать его дубом – обидится. Так что надо попробовать.

– Доброе утро, – сказал он.

– Утро доброе, – ответила она. – Ты что, на охоту ходил?

– Не люблю зверей бить, – ответил он. – Да и зачем?

– Как зачем? – переспросила она. – А ваши звериные мужские инстинкты тешить?.. Заодно и на жаркое добыть...

– По ночам сплю, – сообщил он. – А еды у нас хватит.

Она кивнула:

– Да, после вчерашнего застолья как раз осталось на скромный завтрак...

Он молча вытащил из мешка и развернул сверток с едой. Она широко распахнула глаза: вчера казалось, что опустошили припасы больше чем наполовину, но сегодня все цело.

– У тебя что, – спросила она с тайной надеждой, – волшебная сума?

Он коротко усмехнулся:

– Это из второго мешка. Будь повнимательнее, ты бы заметила, что у меня их два.

Она промолчала. Вообще-то видела оба, равномерно с двух сторон позади седла, но полагала, что там только одеяла, огниво и прочие необходимые в путешествии вещи.

– Ты запасливый, – похвалила она. – Хозяйственный даже. Он изумился:

– Я?

– Что, никогда не слышал?

– Впервые, – признался он. – Как только меня не обзывали, но чтоб еще и хозяйственным...

Он не стал бросать в костер оставшийся хворост, только взмахнул широкой ладонью, и пепел послушно улетел, обнажив крупные алые угли.

Она смотрела, как он умело разогревает мясо, по скупым движениям чувствуется опыт, долгие годы путешествий и ночных бдений перед костром.

– Тебе хорошо, – сказала она со вздохом.

– Хорошо, – согласился он, посмотрел на нее и поинтересовался: – Чем мне так хорошо?

– Не сидишь на месте, – пояснила она. – А вот меня хотели заставить. Уже и жениха нашли... Родовитого, богатого. Отвертеться никак не удавалось...

– Пришлось удрать? – поинтересовался он с сочувствием. Она кивнула.

– Как ты догадался?

– Да ты вся удратая, – пояснил он. – Бери вот сыр, пока свежий. И мясо... а то клюешь, как воробей.

– Спасибо, – ответила она польщенно.

Он добавил:

– Вчера жрала в три горла, как свинья ненасытная, а сегодня какая-то вялая. Не заболела?

– Я сама лекарь, – огрызнулась она.

– Болеют и лекари, – сказал он рассудительно.

Остатки завтрака не стал бережно собирать в узелок, а разложил вокруг костра. Пусть, дескать, муравьи полакомятся, а там и другие зверушки попробуют городской еды, надо делиться с малыми и сирыми...

Конь подошел на свист, Олег взгромоздил ему на спину седло, Барвинок собрала и завязала потуже мешки. Наконец Олег поднялся в седло, протянул ей руку, и снова она удивилась, с какой легкостью он поднял ее, хотя, увы, даже не сделал вид, что забыл, где она сидит, и не попытался посадить впереди себя.

Сердитая, она молча держалась за его пояс, конь сперва шел неторопливой рысью, а потом она обнаружила, что встречный ветер ревет справа и слева с такой мощью, словно она, уцепившись за волхва, падает с ним с горы.

Ее подмывало спросить ехидно, как он заставляет коня мчаться так шибко, бедное животное падет скоро, не жалко ли такому сердобольному, что даже муравьев жалеет, но волхв выглядит таким серьезным и сосредоточенным, что так и не решилась раскрыть рот.

Впереди выросла гряда зеленых, как лягушки, холмов,

приблизилась. Она рассмотрела множество овец, покрывающих подножья, как снег. Конь бодро промчался между двумя изумрудными горами, пахнущими свежей травой и цветами, она за спиной Олега ахнула и приподнялась, стараясь рассмотреть через плечо.

За холмами цветущая и широкая долина, а в ней богатейшее село, что уже не село, а город, хотя возле каждого дома немалый огород, роскошный сад, во дворе из сараев выглядывают коровы, козы, овцы. Посреди села большое озеро, берега выложены камнем, утки и гуси плещутся на одном конце, на другом – детвора визжит и брызгает друг в друга водой.

Дома все как один каменные, с трубами, крыши из празднично-красной черепицы, у многих по стенам взбирается виноград. Конь все еще двигался ровным галопом, она рассмотрела крупные, налитые соком гроздья. Между домами широкие дорожки, одни вымощены камнем, другие просто посыпаны песком золотистого цвета. Немногочисленные люди на улице одеты непривычно богато. Богато и чисто, словно и не в селе живут, где коровы, навоз, работа с землей, а в прекрасном краю сплошного праздника...

– Прекрасно, – выдохнула она, – просто прекрасно! Это еще лучше, чем то село, которое ты так хвалил!

– Да, – ответил Олег без улыбки, – село просто изумительно. Это же надо так...

Она с некоторым сомнением смотрела в его прямую спи-

ну, как-то сказал без восторга, хотя такого в самом деле замечательного села она еще не видела.

Олег начал придерживать коня, вертел головой, она дышала глубоко и мерно, наполняя легкие чистым воздухом, пропитанным ароматом цветов.

– И люди, – сказала она. – Наконец-то увидела счастливых людей! И счастливую жизнь.

– Счастливой жизни не бывает, – пробормотал он. – Бывают только счастливые дни.

Она отмахнулась и первой соскочила на землю.

– Думаю, – сказала она уверенно, – здесь и я смогу купить коня.

– Да, – согласился он, – село выглядит, да.

Из домов выходили люди, деликатно останавливались на крыльце, на пороге, давая гостям осмотреться. От группы рассматривающих немолодых крестьян, которых и крестьянами не назовешь, отделился плотно сбитый мужчина средних лет, чисто и опрятно одетый, выбритый до синевы, волосы тщательно промыты и аккуратно подстрижены. На входящих в село посмотрел со странным выражением удовольствия, надежды и ожидания.

– Приветствую гостей, – сказал он приятным уверенным голосом, – я Кондратий, деревенский староста.

Она сказала весело:

– Деревня такая большая, что вы уже сельский староста, а не деревенский!.. Меня зовут Барвинок, а этого молчуна

– Олег. Мы едем в Коростень, но будем рады переночевать здесь...

Староста вежливо поклонился, голос его прозвучал бархатно, в нем слышались сила и достоинство:

– Будем рады. Добро пожаловать в Цветущий Край.

– Цветущий Край, – повторила она счастливо. – Это ваше село так называется?

Он ответил с поклоном, полным достоинства:

– Да, так называется наша деревня.

– Даже название какое милое, – сказала она с чувством. – Ох, как я вам завидую!

Староста сдержанно улыбнулся. Олег наконец прыгнул на землю, за ним наблюдали с интересом. Она ревниво бросила взгляд по сторонам, но местные женщины смотрят тепло и дружески, однако ни одна почему-то не строит ему глазки, что вообще-то как-то даже не по-женски.

Олег поинтересовался:

– Кто может принять гостей на одну ночь?.. И еще, было бы просто замечательно, если бы в селе нашлась свободная лошадь для продажи.

Староста покосился на его спутницу:

– Для вашей... попутчицы?

– Да, – подтвердил Олег. – Ездит она просто замечательно, так что ей можно и дикую, необъезженную!

– У нас есть всякие, – заверил староста. – Вас будут рады принять в любом доме, гостей у нас любят, но я бы совето-

вал дом Феофила, видите, с двумя флюгерами на крыше?.. Феофил сейчас один, а дом просторный...

– Спасибо, – ответил Олег, – мы сошлемся на вас...

– Да, – ответил староста, – конечно... хотя и не обязательно, Феофил вон идет... Феофил, быстрее сюда! К тебе гости!

Феофил, высокий и худой, одетый в умопомрачительно дорогие ткани, почти подбежал, сразу заулыбался с таким теплом, что даже недоверчивый Олег ощутил, как тает ледок недоверия и подозрительности.

– Я рад, – сказал Феофил быстро. – Пойдемте, пойдемте!

– Да, – сказал староста уже без улыбки, – а то другие перехватят.

Олег двинулся следом, ведя коня в поводу, Барвинок счастливо щебетала, радовалась, хихикала, ей тоже улыбались по дороге и отвечали радостными голосами.

Дом у Феофила в самом деле просторный, чистый, с хорошей, добротной мебелью, большая печь, а через широкие окна хорошо виден роскошный огород. Чуть дальше – сад, ветви гнутся под гроздьями яблок, груш, налитых соком слив, а между деревьями бродят толстые сытые гуси и лениво поклевывают упавшие груши, сливы.

– Располагайтесь, – сказал Феофил, – я во второй половине за стеной. Если что нужно, зовите без стеснения.

– Спасибо, – ответил Олег степенно и добавил медленно, как бы с сомнением: – Добрый человек.

Барвинок бросила взгляд, полный раздражения, а сама

сказала самым сладеньким голоском:

– Спасибо, Феофил!.. Мы не привередливые.

– Через час ужин, – сказал Феофил уже от порога, – не набивайте желудки своим дорожным харчем.

Он вышел, она сказала восхищенно:

– Какой деликатный! Не лезет с расспросами, но намекнул, что ужин у него будет получше того, что путники носят в мешках.

– Деликатный, – согласился Олег. – Мне такие тоже нравятся. И кровать здесь широкая...

Она оглянулась, глаза расширились при виде отделенной широкой занавеской части комнаты.

– Там кровать? Вот что вы все в первую очередь замечаете!.. И не мечтай, я не терплю, когда рядом сопят, храпят и чешутся.

Олег хмыкнул, но смолчал, прошелся по комнате. Зеленые глаза без всякого выражения осматривали мебель, отделку стен, широкие добротные подоконники, похожие на добавочные столы, открыл окно и выглянул в сад.

– До ужина час, – напомнила она.

Он кивнул.

– Да, иди пройдишься. А я посмотрю коня для тебя.

– Я сама выберу!

– Разбираешься? – спросил он. – Не возьмешь такого, что с виду бодр, а через версту падет бездыханным?

Она поморщилась.

– Ладно, посмотри ты. Тебе с твоим конем повезло. Вот деньги, возьми.

Он отмахнулся:

– На мелочи у меня всегда при себе.

Вышел, чуть согнувшись под не для его роста низкой при-
толкой, а она сердито смотрела вслед. Снова этот гад по-
казал себя небрежно великодушным, не только взявшись за-
платить за нее, но и заранее отвергнув любые благодарности.

Глава 11

Она вышла на порог и сразу ощутила себя радостной и счастливой в таком селе и среди таких людей, умеют же люди жить, не то что в других, здесь даже дорога уложена крупным и мелким камнем, не пожалели труда, зато после любого дождя можно пройти из одного конца села в другой конец, не переходя глубокие лужи, не пачкая грязью башмаки и подол платья.

Даже чуточку жаль, что совсем нет больных, ее умение лечить осталось не востребуемым. Все здоровые, румяные, сытые, хорошо одеты, у всех ухоженные огороды и сады, заборы не высокие, а только чтоб козы не перепрыгивали, по улицам ходят к озеру неподалеку и обратно большие стада откормленных гусей, им почтительно уступают дорогу даже коровы, тоже упитанные, с отвисающим до земли раздутым от молока выменем.

Волхв исчез, однажды только слышала его сильный, размеренный голос. Он выбирал коня, но даже торговался слишком уж равнодушно, хотя говорил то громче, то тише, однако она чувствовала, что цена его вообще-то заботит мало, хотя не могла понять почему.

Потом увидела его издали, как он входит в местную корчму, небольшой и тоже очень опрятный домик. Удивительно, никто не валяется пьяным сбоку от крыльца, а сверху никто

не мочится на них, нет слишком громкого гвалта, когда никто не слушает других, а только талдычит свое, даже подумала насчет того, чтобы и самой войти вслед за Олегом, нечего все интересное присваивать мужчинам, но заколебалась: не чересчур ли, такую отважную перестанут воспринимать как женщину...

А Олег в корчме огляделся с порога, удивления чистотой и вкусными запахами не выразил, за двумя широкими столами всего трое, два за одним и один, лохматый и с неухоженной бородкой, за другим.

Он подсел к одинокому.

– Не помешаю? – спросил он дружелюбно.

Селянин взглянул на него исподлобья. Перед ним уже пустой кувшин и большая чашка, тоже пустая, но выглядит трезвым и несчастным.

– Мне? – переспросил он потеряннным голосом. – Мне уже ничего не мешает. А вот тебе...

– А что мне? – спросил Олег. Он оглянулся, помахал рукой в сторону кухни. Вышел крепкого сложения мужчина. Олег снова повернулся с бородачу: – Чем мне тут плохо?

Бородач внезапно поморщился, словно дико заболели все зубы.

– Хорошо, хорошо, – проговорил он сипло, – здесь всем хорошо. Тебе здесь понравится.

Его багровая рожа стала белой, он некоторое время тяжело дышал, но боль отпустила, посмотрел на Олега хмуро и с

непонятной злостью.

Подошел хозяин, Олег сказал строго:

– Жареного мяса мне и моему другу. И вина. Кувшин.

Хозяин поклонился:

– Все будет через минуту.

Олег повернулся к бородачу, тот с несчастным видом вертел в пальцах кружку.

– Сейчас принесет, – сказал Олег успокаивающе.

– Уже несет, – сообщил тот безучастно.

Олег в удивлении обернулся. Хозяин с широчайшей улыбкой приближался с огромным подносом в руках, на нем две широкие тарелки с горками поджаренного мяса, аромат, просто сшибающий с ног, и медный кувшин с сургучной печатью на горлышке.

– Быстро, – пробормотал Олег.

– У нас так, – ответил хозяин гордо.

Бородач посмотрел на него почти с ненавистью, поморщился.

– Сами откроете? – спросил хозяин Олега. – Могу помочь, но многие любят сами...

– Не доверяют, наверное, – пробормотал Олег.

Он взял кувшин, зажал горлышко в ладони. Послышался треск, а когда убрал руку, весь сургуч осыпался, пробка торчит наполовину. Хозяин вскинул брови, когда Олег пару раз хлопнул ладонью по донышку и пробка послушно выползла вверх.

– Я так не пробовал, – признался он. – Здорово! Хочешь, возьму в напарники?

– Спасибо, – ответил Олег, – но дела зовут в дорогу.

Хозяин ушел, Олег налил вина бородачу и себе, тот с безучастным видом пригубил, больше из вежливости, лицо оставалось хмурым.

Олег отпил сразу половину, вино просто удивительное, поинтересовался:

– Не нравится вино?

Бородач пробормотал:

– А что толку, если не пьянеешь... Какое удовольствие от такого вина? Тот же компот. Ты в самом деле проездом?

– Да, – ответил Олег. – Утром отправимся дальше. Дела, дела... Но все равно жаль, что побудем у вас одну ночь. Тут у вас замечательно. Моя спутница вообще в восторге!

Бородач кивнул.

– Здорово, – сказал он, хотя лицо говорило обратное. – Замечательно! У нас все хорошо.

Олег отхлебывал вино, наблюдая за бородачом и поглядывая на двух других. Эти не только в богатой и опрятной одежде, но и чисто выбриты, волосы блестят маслом, аккуратно подстриженные и приглаженные.

– Приятно встретить такое богатое село, – заметил Олег, – и счастливых людей. Даже трудно поверить, что все сами, без магии.

На него посматривали с интересом, как на всякого ново-

го, но и с некоторой непонятной Олегу опаской. Один из-за соседнего стола проговорил во вздохом:

– Цены поднялись, поднялись... Старики говорят, раньше за одну серебряную монету можно было все тучи перегнать со своего поля на огород соседа, а теперь что?.. Кончилась магия, кончилась...

– Но есть счастливы, – заметил Олег очень спокойно, даже лениво, – все еще пользуются?

Мужики переглянулись, лица довольные, только бородач за столом Олега оставался мрачным. За окном сгущались сумерки, длинно и голосисто пропели петухи.

– Сейчас, – произнес один из аккуратных, – про магию стало и говорить опасно...

Олег удивился:

– Почему?

– По слухам, – пояснил его сосед, – появился некий злодей неслыханной силы и ростом с дерево... убивает колдунов.

Олег спросил недоверчиво:

– Воин? Таких огромных не бывает. А вообще-то ничего удивительного, герои всегда дрались с колдунами. Это у них дело чести. Сначала колдунов, потом драконов.

– Не совсем воин, – проговорил мужик с неуверенностью. – Вроде бы не воин и вовсе.

– А кто?

Мужик ответил со вздохом:

– Непонятно.

– А что хочет?

– Тоже непонятно. Просто убивает колдунов. А еще уничтожает запасы колдовской воды.

Олег задумался.

– Колдунов – понятно, это у воинов принято. А запасы колдовской воды... зачем?

Мужик сказал чуточку раздраженно:

– Чтоб другой кто колдовать не стал! Когда есть волшебная вода, научиться легко.

– А-а-а, – протянул Олег, – тогда ты прав, то не воин. Воин не додумается еще и воду спустить в землю.

– Я и говорю! Воин убил, пограбил и пошел дальше. Нет, это не воин, не воин... А вот кто – непонятно. И зачем?.. Воду-то зачем портить?.. Это ж найти сундуки с золотом и превратить все добро в свинец! Даже не в свинец, а... даже не знаю, в сухие листья! Или вообще в дым. Дурак какой-то.

Его собеседник прислушивался и кивал, потом заговорил тоже, поддерживая друга, что дурак, ясно, что дурак.

Олег слушал-слушал, тоже кивал, наконец сказал:

– Да, вы правы. Раз непонятно – то дурак.

– Вот-вот, – сказал первый одобрительно, – наконец-то ты все понял!

– Ты хорошо объяснил, – ответил Олег вежливо. – Я вообще-то понятливый, только до меня доходит медленно. Я не понимаю, если объясняли мало или всего один раз.

Мужик сказал понимающе:

– Мы все здесь такие. Зато основательные. Когда что поймем – уже никаким поленом не выбьешь.

На этот раз выпили за то, чтобы магия никогда не кончалась, но Олег наконец-то ощутил, что прекрасное вино хоть и обладает дивным вкусом, совсем не туманит голову.

Барвинок вернулась в дом с ворохом цветов и фруктами в плетеной из свежих прутьев корзинке, довольная и счастливая. Олег явился позже, все такой же неторопливый, и не подумаешь, что может двигаться стремительно и точно. Сейчас чуть ли не засыпает, настолько ушел в свои мысли, хотя о чем может думать мужчина?

Следом за ним, застенчиво улыбаясь, в комнату вошла молодая женщина, полная, но очень приятная лицом и голосом, в руках корзинка из прутьев лозы.

Пожелала доброго здоровья и начала выкладывать на стол свежий хлеб и сыр. Аромат потек по комнате и заставил желудок Барвинок радостно квакнуть и в нетерпении заворочаться, довольно потирая лапки.

– Сейчас принесу борщ, – сказала хозяйка. – А вы пока попробуйте с нашего огорода...

– Куда уж разжигать аппетит, – сказал Олег то, о чем подумала и Барвинок. – И так готовы сожрать целую лошадь! Вот моя спутница слопает и копыта...

Женщина исчезла, а спустя минуту внесла две глубокие миски, полные до краев наваристого борща. Барвинок, забыв

ответить колкостью на бессовестное предположение волхва, едва дождалась, пока посудина опустится перед нею на стол, торопливо схватила деревянную расписную ложку.

– Как вкусно пахнет!

– Еще не то скажете, – ответила женщина с мягкой улыбкой, – когда отведаете...

Исчезла она тихо и неслышно, деликатно оставив гостей наедине. Барвинок торопливо хлебала борщ, восторгалась, нахваливала, Олег ел молча, не смаковал, что слегка задело Барвинок, будто она сама все приготовила и потому ждет заслуженных похвал.

Он посмотрел на нее поверх миски, на губах проступила улыбка, но глаза остались строгими и серьезными.

– Вообще-то мне село тоже понравилось, – произнес он задумчиво. – Ни единой шуточки... Люблю сурьезных.

Она едва не уронила ложку.

– Что?

Он пожал плечами.

– Да меня упрекали как-то, что шуток не понимаю. А здесь, как вижу, никто не понимает. Или все не понимают, как правильнее?

Она старательно работала ложкой, едва нашла момент, чтобы возразить быстро и уверенно:

– Да какая разница? Говоришь, ни единой шуточки не услышал? Ну ты и чурбан...

– А ты?

– Я? – спросила она обиженно и опустила ложку. – Я похожа на чурбан? Это у меня фигура, по-твоему, чурбанистая или я вся чурбан? Что ты хотел сказать?

Он напомнил сдержанно:

– Говоришь, шуточки слышала?

– Ну конечно! – воскликнула она.

– Например?

– Да пожалуйста!

Она запнулась на полуслове, нахмурилась. Он наблюдал, как на ее лобике собирались морщинки, теснили одна другую, брови то поднимались, то сдвигались на переносице.

– Ну-ну, – подбодрил он.

Она сказала растерянно:

– Я просто не запомнила. У меня такая память, шутки люблю, но запомнить не удастся.

– Так-так...

– Не может быть, – заговорила она горячо, – чтобы не было шуток! Я просто не запомнила, вот и все. У меня память такая, особенная.

– Ты ешь-ешь, – сказал он и указал взглядом на тарелку. – А то остынет. Я тоже не запомнил, но еще и не слышал. А память у меня, знаешь ли, как у большого и очень голодного слона. Еще много поместится в такую голову. Не отвлекайся, не отвлекайся. Как-нибудь потом объясню. Это такие звери, единственные на белом свете, что не умеют прыгать. Даже подпрыгивать. Так вот, шуток не было вовсе. Хотя в таком

богатом и сытом селе... гм...

Она сказала в тарелку:

– Глупости! Вот выйдем сейчас на улицу, сам убедишься.

После борща было жареное мясо только что со сковородки и с ароматно пахнущей гречневой кашей, а потом охлажденный в глубоком погребе компот из яблок.

Из-за стола поднялись настолько отяжелевшие, что Барвинок украдкой посмотрела на роскошно широкую кровать. Если волхв предложит отдохнуть после такой обильной трапезы, отказываться глупо, все-таки они не только что с постели, а проделали долгий путь, устали, как набегавшиеся волки...

– Ну вот, – произнес он с удовлетворением, – наконец-то закончили. Жаль, уже темнеет, а то бы самое время в дорогу.

Она поежилась, здесь так тепло и уютно, а за окном словно бы поплыл незримый туман, все теряет четкость, краски, становится серым и размытым, оттого опасным и пугающим.

– Что ты так рвешься в дорогу?

– Дорога, – ответил он нравоучительно, – это жизнь. Самая короткая обычно самая грязная, да и длинная немногим чище. Но идти надо.

– Какой ты скучный!

– И не остроумный, – согласился он. – Но вешаться пока не буду. И топиться.

Она не успела ответить ехидностью, он потянул носом, поморщился.

– Что тебе опять не так? – спросила она сердито.

– Свечи, – буркнул он. – Светильники с маслом надежнее.

Слышишь, одна упала прямо на пол?

Барвинок насторожилась, тоже потянула носом, но запахи в комнате все те же.

– Не слышу.

– А она все-таки упала, – сказал он равнодушно. – Если не докатилась до ковра, ничего не случится.

Барвинок вскочила, распахнула дверь в соседнюю комнату и только там уловила слабый запах гари. Свеча в самом деле, выпав из подсвечника в стене, докатилась до ковра, там от нее тлеет краешек, несколько ворсинок уже ярко-красные, как накалившая проволока для кольчуги.

Поплевав на кончики пальцев, она прижала чадящий сильным дымком фитиль, тот зашипел едва слышно и стих, а она взобралась на сундук с погасшей свечой в руке, зажгла ее от второй, туго вбитой в заплывшую воском чашечку, другая лунка уже успела остыть, воска там почти нет, пришлось наклонить свечу так, чтобы воск покапал туда и чтоб его хватило для удерживания свечи, когда застынет...

Наконец, вдавив свечу в горячий воск основанием, она соскочила на пол и подумала, что в самом деле много суеты для тех, кому достаточно щелкнуть пальцами, чтобы во всем доме появился яркий свет.

Олег лениво рассматривал в окно дома на той стороне дороги, на лбу собрались глубокие морщины.

– Все наладила? – спросил он, не поднимая головы. – Молодец...

– Да уж не стала ждать пожара, – огрызнулась она.

– Его бы не было, – хладнокровно сказал он. – Свеча бы погасла, ковер от такой не загорится.

– Почему?

– Грязи слишком много, – объяснил он. – Ты к стенке ляжешь или с краю?

Она расправила плечи, так лучше видна ее изумительная грудь, и сказала грозно:

– Опять?

– Опять или снова, – ответил он рассеянно. – Всегда путался, как правильно?.. Это Таргитай чувствовал слова и так их прилаживал одно к другому, что сверкали – куда там самоцветам... А от меня этот дивный дар ускользает...

Она ощутила разочарование, он так легко менял тему, даже не ухватившись за прекрасную возможность поторговаться насчет постели, кому где и зачем, у нее на все случаи заготовлены хлесткие ответы, настолько отточенные, что... ну попадись, гад, попадись, пожалуйста!

Он все прихлебывал компот, откуда только и берется в его кружке, поглядывал в окно. Погасли огни уже во всех окнах домов на той стороне улицы, но Олег что-то выжидал, высматривал в темноте, а она уже извертелась на табуретке.

– Ладно, – сказала она наконец, – раз ты все не решаешься предложить мне спать на кровати, а сам ляжешь на полу,

то я, подумав, принимаю твое твердое и такое благородное решение. Здесь два одеяла, но мне хватит и одного.

– Спасибо, – произнес он безучастно.

Она сказала с разочарованием, мог бы и побороться за место рядом с нею в постели, там трое поместятся:

– Отвернись!

Он спросил с удивлением:

– Зачем? Фокус покажешь?

– Никаких фокусов. Я раздеваюсь.

– А-а-а, – протянул он и уставился в окно, хотя и так сидел спиной к кровати. – Давай...

Глава 12

Она раздевалась медленно, но этот гад даже глаз не ско-сил, чтобы ее рассмотреть хоть мельком. Она разочарованно скользнула под одеяло и натянула его до подбородка. Оставалась надежда, что хотя бы попытается полезть к ней, и тогда она врежет, как она умеет, выскажет все, что думает о мужском хамстве, их надуманном чувстве превосходства...

Когда ее глаза начали слипаться, хотя старательно не давала себе заснуть, чтобы не пропустить момент, когда начнет укладываться на полу он сам, волхв вздохнул и поднялся, огромный и мрачный в пламени свечи.

Черная тень заметалась по стенам, прыгая с одной на другую и жутко изламываясь на потолке. Волхв дунул, пламя свечи испуганно присело к фитилю, в комнате стало темно, словно в наполненном угольной пылью подвале.

– Пора, – услышала она в темноте глухой голос, а затем тяжелый вздох, словно волхв очень не хотел того, что последует за этим «пора» или «надо».

Она проворчала:

– Конечно, давно пора спать...

По незаметному движению спокойного воздуха она ощутила, как он оглянулся в ее сторону.

– Ты еще не спишь, – раздался его тихий голос, – воробышек?.. Спи. А я пройдуь немного.

Она заставила глаза привыкнуть к слабому лунному свету, попадающему краешком в окно. Олег, как облитый светящимся клеем, взял перевязь с тулой и колчаном стрел, лицо задумчивое, словно решает, брать – не брать, перебросил через плечо. Она, застыв от негодования, смотрела, как его руки подняли широкий пояс и застегивают на животе, два ножа в чехлах послушно заняли свои привычные места.

– Ты что задумал? – зашипела она.

– Надо пройтись, – сообщил он.

– Зачем?

– Не все здесь гладко.

– Но тебе какое дело?

– Мне до всего есть дело, – ответил он кратко.

– Почему?

– Это мои люди, – ответил он непонятно. – Это мой мир.

Она поспешно вскочила, уже не заботясь, что он увидит ее во всей ослепительной наготе, тем более что луна светит как раз на нее, но он все равно не воспользовался и даже не повел взглядом, вздохнул и пошел к двери.

Барвинок зашипела разъяренно:

– погоди!

– Чего?

– Я иду с тобой!

Он проворчал:

– Не спится? Я недолго. К утру вернусь.

Она сказала рассерженно:

– Это и мои люди! И я не позволю тебе творить глупости в таком прекрасном месте среди таких прекрасных... даже прекраснейших людей!

– А-а-а, – протянул он, – не позволишь... Тогда пойдем. А то луна сейчас снова выйдет.

И, не дожидаясь ее реакции, вышел, бесшумно отворив дверь. В комнате стало угольно-черно, словно это он унес весь свет.

Она торопливо выскочила на крыльцо, небо в рваных тучах, звезды блещут тускло, а луна угадывается только по тусклому пятну, что медленно перемещается вдоль чего-то огромного и неопрятного с растрепанными краями.

Фигура Олега на мгновение выступила из тьмы в десяти шагах, Барвинок поспешно нагнала, он шагает быстро, но настолько бесшумно, под его сапогами не хрустнула ни одна веточка, просто хыщник какой-то, а не крупный мужчина, хотя все мужчины еще те хыщники...

– Раньше я думала, – прошипела она саркастически, – люди по ночам спят...

– Наивная, – буркнул он.

Она насторожилась:

– Что ты имеешь в виду? И на что намекиваешь, бесстыдник?

Он отмахнулся:

– Не шуми так.

– Что ты задумал? – потребовала она. – Куда мы идем?

Куда ты меня тащишь?

– Да вот тащу, – пробормотал он, – а ты все пищишь и упираешься... Надо посмотреть, зачем все так. Нехорошо это. Так, мне кажется, не совсем хорошо...

Он обогнул дом, дальше пошли темными задворками, оставив село с его великолепной улицей в сторонке. Под ноги полезли неудобные камни, жуткие коряги, ямы, пни, а высокая колючая трава сразу искусала ей ноги.

Луна выглянула на мгновение и снова погрузилась в тучу настолько плотную, что не осталось даже светлого пятнышка. Волхв шел уверенно, хотя постоянно вертел головой, прислушивался, даже нюхал воздух, как голодный волк.

– И куда мы идем? – спросила она раздраженно. – В то время как все нормальные люди спят...

– То нормальные, – ответил он безучастно.

– Я тоже нормальная?

Он покосился на ее стройную фигурку, в его голосе прозвучала сдержанная насмешка:

– Ты?

– Ну и что, – возразила она, – я же не сама иду, а ты меня тащишь! Разбудил среди ночи, и вот теперь я, вся искусанная травой, иду и не понимаю, куда и зачем...

– Так и должно, – утешил он. – Настоящая женщина должна идти за мужчиной, не спрашивая, куда и зачем. Ты уже почти настоящая!

Луна опасливо высунулась из тучи и нацелилась перебе-

жать открытое звездное пространство до следующего укрытия. Верхушки деревьев сразу осыпало серебром, но над миром остался легкий туман и некая непонятная печаль.

Олег внезапно остановился, прислушался. Она тоже встала как вкопанная, мучительно пыталась поймать хоть один подозрительный звук. Волхв несколько мгновений вертел головой, потом решительно перепрыгнул низкую изгородь, прошел, как дикий кабан, по огороду и цветам. Она поспешила следом, но пошла кругом по усыпанной белым песком дорожке, из-за чего пришлось бежать.

Волхв вышел на улицу, с двух сторон прикрытые плотными ставнями окна домов, в щелочках между ними тьма. Барвинок охнула, когда Олег подошел к одному и бесцеремонно громко постучал в ставни, сильно и требовательно.

– Зачем?

– Надо, – ответил он.

– Что тебе нужно?

– Ничего.

– Так зачем будишь людей?

– Они не проснутся, – ответил он. Подумал и уточнил: –

Так мне почему-то кажется.

– Ты сумасшедший! – заявила она и спросила сердито: – Можешь сказать, куда ты меня тащишь?

Он кивнул:

– Могу.

Она помолчала, но он шагал молча, еще дважды громко

стучал в ставни, но даже не останавливался дожидаться отклика.

Она сказала сердито:

– Так скажи!

Судя по его лицу, он готов был ответить «могу, но не скажу», однако вместо этого лишь указал на отдельно стоящий дом, самый дальний, на краю деревни.

– Видишь?

– Ну и что? Дом как дом...

– Чем отличается?

Она пожала плечами.

– Ничем. Только свет еще горит.

Он кивнул, она видела, как на лице волхва появилось довольное выражение.

– Хорошо. Не только себя замечаешь. К хозяину этого домика и зайдем. Не спит, так что не погонит.

Она не успела возразить, хотя и не знала, что возразить, но поспорить надо, слишком уж уверен и безапелляционен, однако волхв быстро поднялся на крылечко и громко постучал.

Почти сразу с той стороны донесся удивленный голос:

– Это кого там несет?

– Гости, – ответил Олег громко. – Вечером приехали, утром поедем дальше.

– Так чего не спите?

Олег ответил так же громко и приподнято:

– Да перед дорогой хотелось бы пообщаться с человеком, который на своих плечах несет такую гору. Даже о себе забывает...

Она ничего не поняла, однако загремел засов, лязгнули замки, дверь распахнулась, изнутри ударил яркий, сильный свет. Олег тут же шагнул и уже собирался закрыть за собой, но она взбежала на крыльцо и сердито отбросила его руку, словно загораживающую дорогу ветку дерева.

В сенях чисто и светло, в комнате горят четыре больших свечи, но свет, как показалось Барвинок, идет не от них, нет теней, даже самых слабых. Хозяин, немолодой мужчина с худым лицом и усталыми глазами, уставился на неожиданных гостей настороженно и в тревожном ожидании. Под глазами темные мешки в два ряда, белки глаз покраснели от полопавшихся кровеносных жилок.

Олег сказал сочувствующе:

– Тяжело?.. Меня зовут Олег, я путешествую. А это вот существо – лекарша.

– Лекарь, – отрезала она, – а не какая-то лекарша!

Хозяин криво улыбнулся.

– А я – Кривой Корень, сын Ясеня, едрена вошь... Садитесь за стол, могу принести поесть и выпить.

– Не стоит на ночь, – ответил Олег. Он опустился на лавку у стола, локти опустил на столешницу. – Да и поужинали мы на три дня вперед...

Барвинок села на дальний от него конец стола, подчер-

кивая независимость. Кривой Корень посмотрел на нее, на Олега, улыбка исчезла, а взгляд стал настороженным.

– Что ты сказал насчет, – проговорил он нерешительно, – насчет тяжелой ноши?

Она тоже повернула голову и во все глаза рассматривала Олега. Тот развел ладони, посмотрел задумчиво на них, потом на хозяина. Кривой Корень, перекосив рожу, с наслаждением чесал макушку.

– Село слишком, – произнес волхв, – слишком... зажиточно. И люди чересчур сытые, веселые, довольные. Огороды ухожены... у всех, а такое ну просто немыслимо. Всегда найдется лодырь... да не один!.. что загадит и дом, и огород, и свою часть улицы... А глядя на таких, и остальные тоже... Мол, им можно, а мы будем за всех спину гнуть?.. Так что редкостью выглядит хороший дом и огород, а не наоборот...

Кривой Корень слушал молча, Барвинок непонимающе переводила взгляд с одного на другого, наконец Кривой Корень ответил очень осторожно:

– Едрена вошь, кто ж спорит! Это село получше всех прочих в округе. А то и дальше.

– Заметно отличается, – подчеркнул Олег.

– Заметно, – согласился Кривой Корень.

– Очень заметно, – сказал Олег с некоторым нажимом. – Сами люди так бы не сумели. Я имею в виду, без подталкивания со стороны. Люди у нас такие...

Кривой Корень не сводил с него настороженного взгляда.

– И чё? Едрена вошь, это ты в меня тычешь пальцем? Это я, значитца, творю всякие перемены?

– Твой огород самый неухоженный, – произнес Олег мерным голосом. – Сад вообще запущен. Даже крыльцо прохудилось, любой другой хозяин давно бы заменил ветхие доски на новенькие. Или, скажем точнее, у него крыльцо... обновилось бы. Кроме того, все спят, как по команде, а только у тебя горит свет. Многое надо обдумать, верно? Дел все больше, хотя должно быть меньше, не так ли? Странно, да?.. Забот не меньше, а больше. Непонятно даже...

Кривой Корень застыл в нерешительности, Барвинок видела по его лицу, как он пытается выбрать верную линию поведения, явно нелепые слова волхва что-то зацепили, хотя и непонятно, почему и что, наконец произнес с великой осторожностью не желающего прогадать в торге крестьянина:

– Дел в самом деле многовато...

– И все прибавляются? – спросил Олег понимающе.

– Прибавляются, – согласился Кривой Корень. – Едрена вошь, прибавляются!

Они смотрели друг на друга через стол в непонятном для нее поединке, наконец Олег сказал с сочувствием:

– Может, бросишь эту затею?

Кривой Корень ответил тут же быстрым нервным голосом:

– Ни за что!

– Почему?

– Они счастливы, – заявил Кривой Корень. – Знаешь, что здесь было? Да самое худшее село в округе! Раз в десять лет – мор, через каждые пять – засуха. А саранча? Народ бедствовал, едрена вошь!

– И ты?

– И я, – подтвердил Кривой Корень. – Это же мое село, я здесь родился и жил. Но когда... когда вот так смог, а чё не?.. я не стал хапать все себе, хотя мог бы! Я взялся помогать людям. Я такой.

Олег кивнул.

– Понимаю. Очень благородно. Сперва занялся огородами и садами, потом пошли дома, наконец и все это друг за другом... Может быть, надо было остановиться только на огородах?

Кривой Корень сказал быстро:

– Но я мог больше, едрена вошь! Почему должен останавливаться? Я мог им дать счастье!

Олег сказал с сочувствием:

– Дал много. Даже чересчур. Да только счастья все равно нет. Здесь даже улыбаются через силу. Смеха не слышал вообще... только детский. Но за детей ты еще не брался?

Кривой Корень помотал головой.

– Руки не дошли. Но займусь ими тоже. Позже. Людей надо воспитывать с детства.

– Верное замечание, – заметил Олег. – Твои родители померли рано, как я понимаю?

Она видела, как Кривой Корень весь ошетинился, словно еж при виде хищного зверя.

– На что киваешь? Что меня не воспитали? Так мало кого воспитали. Все с детства в огороде, в поле, работа всегда найдется и для самых малых!

– Верно, – согласился Олег. – Словом, ты занялся сельчанами, а свой дом остался запущенным?

Кривой Корень сказал с достоинством мученика:

– Неважно. Главное, могу помочь другим. Меня родители всегда учили помогать другим.

– Учили тебя хорошо, – проговорил Олег задумчиво.

Глава 13

Она наконец поняла в страхе и благоговении, что богатство и зажиточность людей села – дело рук этого невзрачного человека в невзрачном доме, который даже сейчас, когда все дрыхнут, думает о том, как всех сделать счастливыми.

Олег проговорил в задумчивости:

– Хорошо, что ты наткнулся на небольшой запас магической воды. Сейчас хватает на заботу о селе, но хуже было бы... займись ты городом. Или страной...

Кривой Корень сказал нервно:

– Тьфу-тьфу!..

– Да, – согласился Олег, – тьфу-тьфу... Ладно, спасибо за беседу. Нам надо идти. Барвинок, не спи, тут все равно есть не дадут.

Кривой Корень подхватился:

– Как не дадут? Да что пожелаете!

– Нет-нет, – сказал Олег. – Нам уже пора. Извини, и... спасибо за откровенный разговор.

Хозяин проводил их до двери, Барвинок вышла за Олегом, она чувствовала на спине встревоженный и чуточку испуганный взгляд Кривого Корня.

Олег уже на улице обернулся, глаза загадочно мерцают в лунном свете.

– Никому не скажем, – пообещал он. – Прощай!

Кривой Корень стоял на крыльце долго, провожая их взглядом, потом Барвинок услышала звук захлопнувшейся двери и лязг задвигаемых запоров. Колдун, еще раз подумала она с горячим сочувствием, не стал тратить магию на свой дом, самоотверженно отдавая все односельчанам. Ну разве есть еще что-то благороднее?

Олег шагал быстро, снова под ногами полная тишина, хотя Барвинок будто идет по тонкому льду: все трещит и прогибается, будто прямо корова какая неуклюжая...

– И куда идем?

– По делу, – ответил он сумрачно.

– Как ты сразу все понял? – спросила она. – Наверное, потому что всегда злобный и недоверчивый? А я вот такая доверчивая, добрая, меня всякий обманет, и как хорошо, что ты даже не стараешься! А то меня обмануть так просто, так просто!

Он буркнул хмуро:

– Опыт.

– Часто приходилось драться? – спросила она понимающе.

Он ответил все так же мрачно:

– Чаше, чем хотелось бы. Но мне кажется... и, боюсь, не случайно, именно сейчас я на передней линии величайшей битвы... самой страшной и тяжелой, хотя и незримой... А все прочие кровавые сражения, когда истреблялись и все еще истребляются целые народы, исчезают страны и государ-

ства, пустяки в сравнении...

Она спросила зло:

– И что это за битва?

Он внимательно посмотрел на нее.

– Еще не поняла?

Крыши домиков еще серебрятся далеко за спиной, а впереди уже выросла темная полоса деревьев, только на верхушках лежит призрачное покрывало лунного света.

Барвинок поежилась и поняла по свежести, что за этими деревьями уже река, такие растопыренные великаны растут почти всегда по берегам. Олег сразу бездумно углубился в чащу, дальше над водой такой туман, что ее не видно вовсе. Она видела, как Олег вошел в это белое месиво по колени, нагнулся, некоторое время можно было рассмотреть только могучую спину, затем разогнулся и помахал ей рукой.

– Иди сюда!

– Я не полезу в воду, – заявила она твердо.

– Почему?

– Там жабы!

– Жабы в огородах, – ответил он, – а здесь только лягушки.

Она огрызнулась:

– А есть разница?

Он ответил с недоумением:

– Огромная! Во-первых...

Она прервала:

– Не надо! Я и лягушек боюсь. Они противные.

Он задумался, она затаила дыхание, пошлет ее обратно или не пошлет, повод есть, но волхв, похоже, не сообразил, какой удобный момент упускает, сказал мирно:

– Здесь лодка.

Она поспешно спустилась по крутому берегу, а в белую муть вообще вступила с превеликой опаской. Олег, судя по его нетерпеливому виду, стоит уже возле лодки. Пугливо нащупывая перед собой дорогу, она наткнулась на твердый влажный борт, ага, это и есть то, на чем поплывут куда-то, кое-как перелезла и поспешно села на дальнюю скамеечку, стараясь не двигаться и не раскачивать лодку. Олег нагнулся, она услышала скрип песка под днищем, затем мир колыхнулся, это Олег на ходу вскочил в эту ненадежную посудину.

Барвинок не двигалась, а он сел впереди и взялся за весло. Туман течет только по речной глади, ощущение странное, словно вода светится или горит бледным пламенем, зато берега темные, пугающе мрачные, лишь верхушки деревьев все так же посеребрены недобрым лунным светом.

Лодка иногда натыкалась на что-то, обычно мелкое, Барвинок уговаривала себя, что это просто плывущие ветки, но однажды увидела, как снизу в ее сторону потянулась мертвая рука со скрюченными пальцами, вскрикнула и едва не выпала через другой борт.

Олег греб одним веслом, забрасывая лопасть то справа,

то слева по борту. Двигался неспешно, но лодка не просто скользит по водной глади, а летит, как торопливый стриж. Барвинок поглядывала на его могучие мышцы и понимала устрaшенно, что на такой скорости, если наткнутся на плывущее навстречу бревно, лодку пробьет насквозь, а в воде их сожрут чудовища.

– Уже скоро, – сказал Олег, он поглядывал на нее со спокойной насмешкой.

Она огрызнулась:

– Откуда знаешь?

– А ты не чувствуешь?

– Нет!

– Странно... будто и не женщина.

Она огрызнулась:

– У меня что, нос собачий?

Он внимательно посмотрел на ее нос. Она уже ждала, что согласится, что да, собачий, но он покачал головой:

– Вообще-то нет.

– Тогда почему? – спросила она сердито.

Он сдвинул плечами, продолжая работать веслом.

– Женщины, по слухам, лучше чувствуют, чем думают.

Вот я и подумал...

– ...что можно меня использовать вместо охотничьей собаки? – спросила она саркастически.

Он пробормотал:

– Ну почему женщины так любят скандалы?.. Или что-то

хочешь выпросить?.. Тогда лучше поплакать.

– Нет, – прошипела она. – Слез от меня не дождешься!

И сразу ощутила, что они уже близко, пора гордо закинуть голову, вроде бы любитесь звездами, а на самом деле – чтобы удержать эту быстро появляющуюся влагу. К счастью, волхв отвел от нее взгляд и настороженно всматривается в пелену тумана. Справа весло опустил в воду, тормозя, затем пару раз гребнул с другого борта, и лодка, круто повернув, пошла к берегу.

Туман за это время успел осесть и даже прижаться к воде, иногда удавалось увидеть верхушку борта лодки. Олег убрал весло и ждал. Они неслись к берегу, через минуту под днищем скрипнул песок, их качнуло вперед.

– Прибыли, – сказал Олег бодро.

– Там же темно!

– Разве?

Он перешагнул через борт, она услышала хлюпанье, но, судя по реакции волхва, воды там разве что по колено. Он подал ей руку, она прошла к носу, стараясь двигаться гордо и красиво, и с облегчением перевела дух, когда удалось с достоинством перешагнуть прямо на сухую землю, не споткнувшись и не запутавшись в своих же длинных и таких стройных ногах.

Чуть выше по берегу от тумана не осталось и следа, однако, когда оглянулась, плечи передернулись сами по себе. Оставленная за спиной река выглядит так, словно преврати-

лась в медленно текущую белесую слизь. У самых берегов высовываются жесткие прутья камыша, но ни одна жаба не квакает, ни одна выпь не кричит гулким голосом, за что их прозвали водяными быками...

– Жутковато, – сказала она неестественно бодрым голосом и сама устыдилась прозвучавшей в нем фальши.

– Разве?

– Слишком тихо, – проговорила она.

– Здорово, да? – спросил он.

– Так бы и убила, – шепнула она совсем тихо.

Волхв, к счастью, по своей толстокожести не уловил ее ужаса, прет через кусты, как лось, даже по сторонам не смотрит, все ему ясно, все ему знакомо, гад с зелеными глазами.

Они прошли под толстыми деревьями, ветви склоняются до самой воды, дальше уже растут реже, там светло, все залито мертвенным лунным светом. Туман едва заметен, иногда только сбивается в плотные комья и надвигается настолько пугающе, словно навстречу бежит стадо овец, что она всякий раз отпрыгивала в сторону.

Волхв, по ее мнению, слишком уж всматривается в землю, не заметит, если что прыгнет на них с дерева или нападет из кустов. Под ногами чисто и сухо, разве что какой сучок хрустнет, заставив ее подпрыгнуть, но Олег даже не насмешничает, она с грустью допустила такую дикую мысль, что ему все равно, боится она или нет.

– Что-то ищешь? – спросила она напряженным голосом.

– Да, – ответил он.

– Что?

– Истину, – ответил он. Она заподозрила насмешку, но сообразила, что он совершенно серьезен. – Главное, что мы все ищем так старательно, это истина.

– Ты сумасшедший, – сказала она убежденно, – искать истину здесь?

– Истину нужно искать везде, – сказал он нравоучительно. – И всегда. Правда, не со всеми.

Она фыркнула:

– Со мной, значит, можно?

Он удивленно оглянулся через плечо:

– А-а-а, ты еще здесь?.. Я думал, уже убежала.

– Я здесь, – прошипела она мстительно. – И тебе будет не до поисков истины.

Он ответил со вздохом:

– Чувствую. Но настоящий мужчина должен уметь не обращать внимания на препятствия. Я имею в виду чудовищ, врагов, погоду и женщин.

– А я кто?

Он промолчал, что прозвучало еще оскорбительнее. Впереди за кустами показался полуразрушенный домик, как почудилось вначале, но подошли ближе, к хатке с той стороны пристроены просторные сараи, тоже с выбитыми окнами, дом с ними составляет одно целое. Олег ускорил шаг, но всматривался в землю еще внимательнее, а на домик

лишь бросал осторожные взгляды. Дорогу к обвалившемуся крыльцу преграждает густой бурьян, окна выбиты, вместо двери черный прямоугольник.

Она ощутила холодное прикосновение ужаса. Сердце затрепетало, она с трудом разомкнула застывшие губы.

– Не ходи...

Он оглянулся:

– Предчувствие?

– Нет, – отрезала она, – просто... зачем?

– Настоящая женщина, – пробормотал он. – Не нужно, вот и не пойду...

Сам, видимо, был настоящим мужчиной, потому что совершенно глупо и бесцельно сунулся в этот темный лесной домик, где может подстергать все, что угодно. Она упрямо оставалась вне дома, но прислушивалась изо всех сил. Волхв же, как назло, и там ухитрялся ходить совершенно бесшумно, она вытягивала шею, стараясь проследить за его фигурой через окно, однако он как в воду канул...

Рассердившись на себя, она же делает именно то, что хотел он, быстро и решительно вошла следом, остановилась, моргая. За спиной хотя бы лунный свет, а здесь сплошная тьма, разве что редкие лучи сквозь дырявую крышу, глазам трудно привыкать к еще более скудному свету...

Волхв в дальнем углу остановился над чем-то темным на полу, что показалось ей сперва густой тенью, затем лужей, а когда подошла ближе, зябко передернула плечами. Почуди-

лось, что смотрит в черное бездонное небо под ногами. Если голова закружится, как уже начинает сейчас, легко упасть туда и оказаться между звезд...

Тяжелая рука Олега опустилась на ее плечо, пальцы сжали крепко, но равнодушно, как держал бы древко лопаты.

– Колодец, – сообщил он равнодушно. – Разумно. Хотя и странно.

– Зачем колодец в доме? – спросила она.

– Чтоб далеко не ходить, – ответил он. – Очень удобно, если дом в осаде... А зимой можно штаны не надевать.

– А что странно?

– Да многое... Не чувствуешь?

– Н-нет...

– А еще женщина!

– А что, муравей? Это они лесной пожар за сутки вперед чувствуют!

– Да, до муравья тебе далеко...

Неподвижная и темная вода задрожала, пошла кругами. Олег не двигался, а она охнула и, отступив на шаг, спряталась за его спину.

В середине темной лужи поднялся влажный холмик, похожий на голову с прилипшими волосами. Волхв ждал, вода стекает с неизвестного медленно, тягуче, словно не вода, а жидкая глина. Темный человек поднялся до пояса, уперся обеими руками в невидимые под водой края колодца. Барвинок пугливо отступила, у существа нет лица, а только словно

намечено грубым инструментом, где должны быть глаза, нос и рот.

Наконец существо из колодца выбралось наверх и распрямилось во весь рост. Барвинок сделала еще пару шагов назад, странный человек показался громадным, хотя и ниже Олега, и пугающе опасным.

Медленно и неотвратно он протянул обе руки к Олегу. В его движениях чувствовалась завораживающая сила, так змея неспешно приближается к замершим в оцепенении лягушкам и пожирает их.

Барвинок вздрогнула, когда жуткую тишину нарушил недовольный голос волхва:

– Эй-эй, убери грабли!.. С тебя течет. И дурно пахнет.

В темноте она никак не могла рассмотреть лица незнакомца, только видела, что он весь мокрый и блестящий, словно натерт слизью. Олег сделал шаг, человек двинулся за ним.

– Убери, – повторил Олег. – Третий раз повторять не стану.

Человек сделал к нему еще шаг. Она не успела заметить молниеносное движение, но раздался шлепающий звук сильного удара. Голова человека из колодца дернулась назад, он невольно отступил и рухнул в темную воду. Барвинок ожидал брызг, но вода лишь медленно колыхнулась, словно не вода, а густой кисель.

Неизвестный медленно погрузился с головой. Олег посмотрел вслед и сказал вдруг:

– Быстро на выход!

– Но ты уже...

– Быстро! – повторил он. – Он не один.

Она побежала на ярко освещенный, как теперь показалось, прямоугольник дверного проема, выметнулась на залитую лунным светом поляну. За спиной треск, шум, злое рычание, затем дом зашатался, стены с грохотом повалились вовнутрь. Остатки крыши обрушились, подняв облако пыли.

Барвинок в ужасе прижала к груди кулачки, сердце замерло, но спустя пару минут затрещало, из сверкающей в лунных лучах мрачным светом пыли появилась могучая фигура волхва.

Он деловито отряхнул ладони, одежду, посмотрел на нее со странным одобрением.

– Молодец.

– За что?

– Послушалась, – сообщил он. – Все в порядке, никто туда теперь не сунется.

Она вскрикнула:

– А что... те?

– Колодец накрыло бревнами, – ответил он. – И землей. Не вылезти... А ты чего стоишь? Пойдем.

Она потащила следом, прожигая взглядом такую широкую, но равнодушную, как и ее хозяин, спину. Как хорошо, что удержалась и не бросилась навстречу с ликующим воплем, что цел, жив, все благополучно! Нельзя так ронять себя

женщине в мужских глазах, уважать перестанет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.